

УРИНА САКИНА

КОГДА ЗАЦВЕТЕТ
АБЕЛИЯ

Annotation

Никогда ничего не берите из рук гадалок, особенно если они предлагают вам «это» съесть. Иначе рискуете распрощаться с прошлой постылой жизнью и оказаться там, где вы даже и не мечтали побывать, да еще и сбросить десяток-другой лишних лет и килограммов. Ничего хорошего вас там точно не ждет, а вот приключений на свою пятую точку получите с лихвой. А предстоит вам, ни много ни мало, избежать замужества с нелюбимым, вытащить из долговой ямы новоиспеченного папашу, отделаться от хромого ухажера в бархатной маске, который выиграл вас в карты у короля... Впрочем, ухажер не так уж плох. Возможно, за новую жизнь действительно стоит побороться, ведь у вашего нового поклонника нежные губы и горячие сильные руки. Но помните, что страсть опасна, а костры инквизиции еще горят.

Ирина Лакина

Когда зацветет абелия

– Как вам эта, босс? – спросил невысокий мужчина в длинном белом балахоне, взмахнув рукой.

На ребристой поверхности воды в чаше появилось миловидное лицо женщины, чья красота увядала, а на лице застыла печать грусти – вялый взгляд, мешки под глазами, вырисовывающийся второй подбородок, безжизненно свисающие по бокам засаленные волосы.

– Кажется и вправду несчастной, – ответил молодой поджарый человек в строгом синем костюме, вальяжно развалившийся в плетеном кресле за простым деревянным столом.

Встречный ветер трепал его длинные, зачесанные назад русые волосы. Облако, на котором передвигалась странная парочка, летело вперед с огромной скоростью, из-за чего у обоих закладывало уши.

– Если честно, я уже немного устал, – признался собеседник в балахоне, – третьи сутки по орбите круги нарезаем и все никак не определимся с кандидаткой. Портал вот-вот откроется.

– А что у нее за плечами? – спросил босс, сделав вид, что не заметил нытья подчиненного. – Болезни, потери, боль?

– Все сразу. Потеря ребенка, бесплодие, измена мужа, развод.

– Ты прав! – неожиданно оживился начальник. – Мне тоже надоело колесить вокруг планеты. Пора домой, на Олимп. Давай отправляй туда Ванду. И еще... – босс поднял строгий взгляд на напарника, – на этот раз чтобы все было как положено! Даруй ей знание кастильского, а то получится конфуз, как с предыдущей барышней. Я надеюсь, ты еще не забыл, что по твоей вине ее сожгли инквизиторы, никогда ранее не слышавшие китайского? Пришлось поворачивать время вспять и стирать ей память. Дита этого не любит, ой как не любит!

Мужчина в белом балахоне замотал головой и вытаращил на босса испуганные глаза.

– Этой ошибки больше не повторится!

– Гляди мне в оба, Гименей! – предупредил Эрот, доставая из-под стола длинную стрелу. – На этот раз пусть все получится!

Глава 1

Звуки ярмарки, обосновавшейся на Театральной площади в одном квартале к югу от моего дома, прорывались сквозь стены кирпичной многоэтажки, заставляя вибрировать от тяжелых басов стекла на окнах, мебель, люстры и посуду в кухонных шкафах.

Сколько себя помню, я всегда ненавидела «Юморину», проходившую в нашем городе ежегодно с первого по седьмое апреля. Целую неделю невозможно выспаться. Да что там выспаться – уснуть невозможно! И при этом никто и не думает отменять начало рабочего дня ровно в девять.

Зато городские власти довольны. Приток туристов со всей страны колоссальный. Гостиницы полны, рестораны лопатой гребут прибыль, заезжие циркачи из шапито изгаляются как могут, привлекая праздный народ на свои представления. Денежки рекой текут в руки чиновников, небольшой ручеек даже в городскую казну попадает, что непременно указывается во всех новостях как сенсация.

«Городской бюджет только за первый день «Юморины» пополнен на три миллиона рублей», – восторженно верещит диктор с экрана телевизора.

«Налоги и сборы с ежегодного фестиваля юмора и смеха в нашем городе помогут открыть два детских сада и поликлинику», – пестрят заголовки газет.

А я спать хочу. Пятый день хочу спать. Черт бы его побрал, этот фестиваль. Вместе со всеми его артистами и циркачами, вместе с пьяными туристами и довольными рожами отельеров и рестораторов, вместе с каруселями и торговцами уличной выпечкой и сувенирами, вместе с фокусниками, и гадалками, и прочими шарлатанами. Черт бы его побрал! Таково мое сугубо личное некомпетентное мнение.

Стрелки часов показывали одиннадцать. По закону самое время всем заткнуться и улечься на боковую, но в первую неделю апреля в нашем городе этот закон мало кого интересовал.

На прикроватной тумбе зажужжал мобильник. Спрашивается, зачем я поставила его на тихий режим, если дискотека на Театралке все равно будет греметь до рассвета?

Рукой нащупала телефон и устало ответила:

– Слушаю.

– Дора, спишь?

Веселый голос Катерины, институтской подруги, не оставлял сомнений – она-то точно не спит и, скорее всего, присоединилась к этому шабашу в квартале от меня.

– А ты как думаешь? – недовольно буркнула я.

– Не будь занудой. Поднимай свой толстый зад и тащи его на Театралку. Тут так весело!

В том, что там было весело, я ничуть не сомневалась. Вопрос – будет ли завтра весело мне, когда я усну прямо на кассовом аппарате.

– Кать, ты же знаешь. Мне на работу, – попыталась я отделаться от «заманчивого» предложения.

– Всем на работу. Все равно уснуть не выйдет. Так хотя бы не обидно будет, что ночь опять даром прошла.

Вот это она зря. Про «даром». Знает же, что развелась полгода назад и теперь остро переживаю свои одинокие ночи в холодной постели, а все равно давит на больное место. И про «толстый зад» тоже зря. Подумаешь, поправилась немного. Это все стресс – не заливать

же его горькой? Уж лучше сладенького – и настроение поднимает, и голова потом не болит.

– Не пойду.

– Собирайся, говорю, как ты уснешь, когда даже на окраине слышно музыку?

Подруга буквально кричала в трубку, поскольку диджей, заправлявший на «Юморине», решил, что на улице стало слишком тихо, и врубил громкость своей аппаратуры на полную катушку. У меня даже барабанные перепонки завибрировали.

– Беруши вставлю в уши и усну! – продолжила я сопротивление, прекрасно понимая, что тут поможет только побег в соседний город.

– Не сработает! Можешь даже не пробовать. К тому же с нами Ванька. Спрашивает уже про тебя. Все уши мне прожужжал. Завтра с утра опять уедет, и на целый месяц. Вставай давай, долго мне тебя уговаривать?

Аргумент про Ваньку оказался действенным. Брат подруги был весьма привлекательный и обаятельный мужчина тридцати лет и, что самое важное в моем случае, – совершенно свободный. У нас поди поищи неженатых – днем с огнем не сыщешь. Особенно если ты разведенка тридцати шести лет с толстой попой и оформляющимся вторым подбородком.

Если быть справедливой, то такой я была не всегда. А точнее – никогда раньше. Еще год назад я являла собой образчик ухоженной женщины в самом расцвете сил – косметологи, фитнес, личный диетолог и повар, маникюр, педикюр, прически. Все изменилось, когда муженек – владелец сети ювелирных магазинов – привел в дом горничную – ранетку, которая едва закончила школу. Дальше можно не рассказывать – все как в кино: измена, залет «горничной» и долгий мучительный развод. Все это я заедала тортами и фастфудом, попутно пристрастившись еще и к газировке. Теперь без слез смотреть на себя в зеркало я не могла. Потому и не смотрела. От слова «совсем». Тем невероятнее казался мне тот факт, что Ванька положил на меня глаз.

Я по дурацки после института выскочила замуж. Вадим сразу сказал, что работать его женщина не будет, и пришлось мне спрятать куда подальше мой диплом экономиста. А теперь, когда осталась я у разбитого корыта, да так, что после развода кушать стало нечего, пришлось мне засунуть куда подальше свою гордость и пойти работать кассиром на заправку, ибо устроиться экономистом без опыта работы оказалось совершенно невозможно.

Но меня, если честно, убивало совершенно другое. При желании можно похудеть, обзавестись любовником и даже пойти вверх по карьерной лестнице. Но ничто не может вернуть тебе способность быть матерью.

Когда я забеременела, Вадим вдруг увлекся лошадьми и построил возле нашего загородного дома небольшую конюшню и загон. Мне было двадцать три и казалось, что я могу свернуть горы. Ну уж на лошади прокатиться галопом – точно плевое дело. Не угадала. Слетела с нее на втором круге и ударилась животом о землю. Слава Богу, сама жива осталась. А вот ребенка я потеряла. Как и свою способность к деторождению.

За десять с лишним лет было пройдено многое – лечение от бесплодия, искусственное оплодотворение, гомеопатия и бабки. Ничего не помогало. А Вадим жаждал наследника. Его фирма разрослась до масштабов нескольких соседних городов, и он уже без стеснения называл себя «ювелирным королем», которому срочно нужен принц.

Это, скорее всего, и толкнуло его в объятия Марьяши. Теперь она на последнем месяце беременности. Эта девчонка лишила меня всего – мужа, дома, имени, положения, а главное – надежды.

Хотя нет. Надежда еще есть. По имени Ванька. Молодой неженатый дальнбойщик с

доходом порядка восьмидесяти тысяч в месяц. Я, конечно, привыкла к другим суммам и к другим мужчинам. Но после двадцати тысяч зарплаты кассира и съемной зэгэтэшки (которую теперь принято называть модным словом «студия») на последнем этаже и это стало казаться мне за счастье. Призрачное такое счастье, которое завтра утром опять отправится в рейс, а там – может уже и не замаячить передо мной никогда.

Надо вставать и идти, если не хочу к сорока годам превратиться в самостоятельную и независимую женщину с тридцатью кошками.

– Ладно, – обреченно выдохнула я в трубку и нажала отбой.

Наспех натянув на себя мешковатые джинсы, длинный серый балахон с капюшоном, который, как мне казалось, удачно скрывал недостатки фигуры, и безразмерную куртку, я выползла из квартиры. Непричесанная, ненакрашенная и жутко злая. Если уж я понравилась ему в халате и бигудях, когда он привез мне отписанный подругой старенький диван, то и сейчас не испугается.

Пешком идти по слякотной жиже, бывшей когда-то снегом, не хотелось, поэтому, поковырявшись в карманах, наскребла на такси. Через пять минут я стояла на перекрестке перед площадью, оглушенная музыкой и ослепленная огнями, и пыталась дозвониться до Катерины. Народу было столько, что в глазах мельтешило. Всеми цветами радуги переливались вывески ларьков с едой, тиров, игровых залов. Визг и хохот доносились с многочисленных аттракционов. Звуки смешивались между собой, превращаясь в жуткую какофонию, которая резала слух и ужасно нервировала. По крайней мере меня. Ко всему прочему подруга никак не хотела отвечать на мой звонок.

Я уже было собралась восвояси, но на десятой попытке удача улыбнулась мне.

– Пришла? – прокричала Катя в трубку.

– Да! Где вы? – проорала я в ответ, стараясь перекричать музыку.

– Мы у... иона, – неразборчиво ответила Катерина.

– У «Иллюзиона»? – предположила я.

– У... иона! – повторила она.

Решив, что мы сошлись во мнении, я отправилась на поиски пресловутого «Иллюзиона». С трудом пробираясь сквозь толпы праздно шатающихся и танцующих людей в карнавальных масках, я вертела головой по сторонам, как сорока, пытаюсь обнаружить надпись «Иллюзион».

Через пятнадцать минут поисков мне повезло – как черт из табакерки передо мной возник человек в костюме скомороха и широко расставил руки в стороны, не давая пройти.

– О, прекрасная незнакомка с красивыми, точно два янтаря, глазами, не проходите мимо! Госпожа Ванда ждет вас, чтобы открыть дороги к счастью и предсказать будущее!

– Мужчина, не мешайте! Уйдите, пожалуйста, с дороги, – рявкнула я так, что у скомороха глаз дернулся. Однако он оказался не из робких.

– Куда же вы спешите, ослепительная леди? Уверю, госпожа Ванда ждет именно вас!

– Мне не до Ванды, прошу покорно меня извинить. Лучше подскажите, где тут «Иллюзион»?

– Так вот же он. – Человек повернулся вполборота и рукой указал мне на шатер, над входом в который висела одноименная вывеска.

Я облегченно выдохнула.

– Госпожа Ванда? Ну-ну... Так я и поверила! – ухмыльнулась я. – Это же Катерина послала вас мне навстречу? Розыгрыш такой?

Скоморох лишь улыбнулся и согнулся в шуточном реверансе.

– Идите же скорее, вскоре полночь...

– И принцесса превратится в тыкву, так? – перебила я его, заливаясь смехом. – Не переживайте, тыква в тыкву превратиться не может. Никуда я не денусь. Спасибо, что подняли мне настроение. – Я посмотрела на него уже другим, теплым взглядом, после чего невольно выдохнула:

– Ох, Катерина...

Поражаясь сообразительности и находчивости подружки, которая подослала ко мне ряженого, разыгравшего целое представление, я зашагала ко входу в шатер.

Внутри было тепло от стоявшего у брезентовой стенки масляного радиатора. «Колдовство колдовством, а руки и у гадалок зябнут», – подумала я, рассматривая стоящий по центру шатра деревянный стол и женщину в возрасте, смутно напоминавшую Бабу-ягу из-за странным образом повязанного на голове грязно-серого платка и крючковатого носа. Глаза у Ягуси оказались разными – и по цвету, и по форме зрачка. Один глаз был синий, а второй зеленый. Вытянутый, как у кошки, зрачок зеленого глаза пересекала белая полоска. После встречи с ее взглядом захотелось бежать куда подальше и не оглядываться. Но невидимая сила мешала мне сделать шаг.

В носу защекотало от ядерной смеси запахов – ладан, шалфей, мята, кокос, мускус. Ароматы исходили от горящих на полу свечей.

– И как только пожарная инспекция дала вам разрешение на работу? – удивилась я, наблюдая, как языки пламени одной из свечей буквально пары сантиметров не достают до брезента.

– Дала, милочка. Еще как дала, – ответила бабка, зыркнув на меня таким хищным взглядом, что я невольно сжалась от страха.

Госпожа Ванда таращилась на меня, вращая своими разноцветными глазами, и улыбалась, сверкая золотыми коронками.

«Линзы», – подумала я, подходя ближе. Ну мало ли, может, человек специально так делает, для антуража, – чтобы правдоподобнее образ вышел. Чем страшнее – тем лучше. Самоуспокоение пошло мне на пользу, и я немного расслабилась.

– Садись, дуреха, – приказала по-доброму Бабка-Ежка и взглядом показала на старенький стул перед собой.

– Очень смешно, – обиделась я, – ладно, пошутили и хватит. Где Катя?

– Сейчас узнаем, – загадочно ответила гадалка и достала откуда-то из-под стола новогоднюю игрушку – стеклянный шар на подставке, в котором, если его потряхнуть, начинал кружиться искусственный снег.

– А, шоу продолжается, да? Так задумано? – предположила я. – Что там у вас дальше по сценарию?

– У нас? – переспросила бабка, колдуя руками над шаром. – Мы тут для того, чтобы узнать, что там у тебя дальше по сценарию. А точнее – что тебе на роду написано.

– И что же там написано? – Я не выдержала и прыснула от смеха. – Суженого, часом, не Иван зовут?

– Помолчи, бестолковая. Всю голову забила. Энергию распугиваешь, – огрызнулась Ванда, заставив меня открыть от удивления рот.

Через минуту гадалка заговорила низким хриплым голосом:

– Вижу имя у тебя странное. Больше скажу – дразнили тебя в детстве, стих какой-то все

время читали вслед.

Я чуть на месте не подпрыгнула. Действительно Федькой-редькой дразнили и стих читали – «Федорино горе». А все благодаря отцу, который уперся рогом и настоял, чтобы меня по Святкам назвали – Феодора. Дора то бишь.

– Ой, ну это вам и Катя могла рассказать, – скептически фыркнула я, откинувшись на спинку стула.

– Помолчи, не мешай. Из-за твоей трескотни видения исчезают.

Я вконец обалдела от наглости старой ведьмы и угрожающе наклонилась вперед.

– Многоуважаемая госпожа шарлатанка, ваши видения не из-за моих разговоров исчезают, а из-за того, что вам пришла пора принять на грудь. Видимо, действие «эликсира белочки» заканчивается.

Я улыбнулась и вновь откинулась на спинку стула, будучи бесконечно довольной своим извительным выпадом. Правда, самодовольство быстро сменилось стыдом. Иголка совести больно ширнула где-то внутри. Я вообще-то не такая, никогда раньше не позволяла себе неуважительно разговаривать с людьми и тем более вот так прыскать ядом в их сторону – каким бы ни был человек. Но после развода мне будто крышу сорвало. Это было похоже на рождение сверхновой – сильнейший эмоциональный взрыв, после которого из меня полезли не самые лучшие человеческие качества.

– Вижу лошадь и темноту, – продолжила гадалка как ни в чем не бывало, – страшно тебе и больно. Пустая ты.

Сердце ушло в пятки от этого заявления Бабы-Яги. Неужели Катя настолько бессовестная, что и эту тайну поведала первой встречной? Это уже чересчур. Пора заканчивать спектакль.

– Ну знаете ли, – встрепелась я, машинально начав тереть пальцы, – хватит. Что это за определение такое – «пустая»? А вы к тому же еще и бестактны, как деревенщина. И как только язык поворачивается использовать чужое горе ради развлечения? Скажите откровенно – это Катерина вам поведала про меня? Неужели вы, будучи в таком возрасте, когда, как мне всегда казалось, уже есть и мудрость, и жизненный опыт, не сказали ей – так нельзя! Это же бесчеловечно! Я же живая, а вы сыплете мне соль на открытую рану...

Сама не заметила, как глаза наполнились влагой. Первые слезинки покатались по щекам. Ну, погоди, Катерина! Попадись ты мне на глаза!

– А мужик этот тебе неровня. Не пара, – ничуть не смутившись, продолжала вещать старуха. – Руки у него всегда в пыли и машинном масле, а в голове только выпить да закусить. Тебе благородный нужен.

– Ну этого уж точно Катя вам не говорила. Это уже ваши выдумки-додумки. Она бы никогда не стала так отзываться о родном брате. – Голос дрожал, хотелось вскочить и убежать из этого шатра подальше, но какая-то сила держала меня на месте.

– Да о какой Кате ты мне толкуешь, беспокойный твой язык? – Бабка не на шутку разозлилась и стукнула кулаком по столу, отчего в «магическом» шаре началась настоящая вьюга. – Не знаю я никакой Кати. Ты слушать меня будешь или нет? Полночь скоро! Время уйдет, и все, коридор закроется!

– Какой еще коридор? – Я испуганно вскочила со стула, не в силах больше выносить взгляда ее разноцветных глаз, и попятилась к выходу.

– Мужа хочешь? Ребенка хочешь? Шанс все исправить хочешь? – затараторила гадалка, выйдя из-за стола и начав преследовать меня, точно маньяк жертву.

– Что? – Я замерла, переваривая ее слова. – Какой еще шанс? Как вернуть?

– Хочешь или нет? – гаркнула бабка так, что я подпрыгнула на месте. – Последний раз спрашиваю!

– Хо-хо-хочу, – ответила я, стуча зубами.

– Ешь!

Перед моим носом возникла ее сухая костлявая рука, на раскрытой ладони которой лежала карамелька зеленого цвета. Я наклонилась и принялась – обычная барбариска. Ехидная улыбка появилась на моем лице.

– То есть – съем конфету, и жизнь наладится, так, что ли? – спросила я.

– Она заговоренная. Съешь и перенесешься на 13 лет назад. Сможешь забеременеть и брак сохранить. – Ягуся хитро прищурилась и по-птичьи наклонила голову.

– Да ладно!

Весь страх у меня прошел. Я еле сдерживала себя, чтобы не расхохотаться в голос. Бабка больше не то что не пугала меня, мне даже стало ее жаль. Ведь, судя по выражению ее синезеленых глаз, она искренне верила в то, что несет.

– Считаю до трех, – не выдержала госпожа Ванда и медленно начала отступать назад, продолжая держать ладонь раскрытой, – один... два...

– Хорошо. Давайте свой волшебный леденец. А вы прекрасный психолог – хорошо умеете играть на чувствах людей. Отличное шоу! Bravo!

Я взяла с ладони конфету и отправила ее в рот. «Барбариска – она и есть», – пронеслась у меня последняя здравая мысль. Почему последняя? Потому что я понятия не имела, что подмешала к леденцу старуха и каким ветром меня занесло в дремучий лес, в котором я очнулась спустя мгновение. А на языке все еще оставался привкус зеленой карамельки.

Над головой светила луна. Полная, яркая, невероятно большая. Ее мягкий свет помог глазам свыкнуться с темнотой. Где-то в отдалении раздался душераздирающий волчий вой. Он-то и прервал мое любование луной и заставил вскочить с земли. И только теперь я поняла, что дело пахнет керосином. В неизвестном направлении исчезли и госпожа Ванда с «Иллюзионом», и ярмарка, и Театральная площадь, да и сам город испарился неведомо куда. Меня окружали вековые исполины – дубы и каштаны, густо поросшие мхом, с кудрявыми кронами, меж ветвей которых гулял теплый ветер, заставляя их шуметь и раскачиваться.

Под ногами хлюпала вода и рос дягиль. Пахло болотом и тиной. Покуда хватало глаз – тянулся этот лес, и от осознания страшной правды сердце ухало, точно филин, и то и дело падало в желудок, заставляя его скручиваться в ужасном спазме.

Волчий вой повторился вновь – на этот раз ближе, и я словно очнулась, спохватилась, подняла с земли первую попавшуюся крепкую палку и побежала. Хотя бегом это можно было назвать с натяжкой. Ноги вязли во влажной почве, к тому же неизвестно по какой причине с меня начали спадать джинсы, которые я еще пару часов назад с трудом могла застегнуть. Не могла же я вдруг сбросить пятнадцать лишних кило?! Ко всему прочему через несколько минут мне стало жарко. Я со злости скинула с себя куртку, затем сняла джинсы, оставшись в одних колготках и балахоне, который болтался на мне, как сутана.

Не знаю, сколько я брела по этому лесу, но когда на горизонте забрезжил рассвет, я поняла, что силы мои иссякли, и опустилась на мягкий мох у подножия высокого дуба, приклонила к стволу голову и уснула богатырским сном. Где-то далеко выли волки, но мне уже было совершенно все равно – сожрут ли меня эти твари или я умру от голода и жажды в этом бесконечном дремучем лесу. Засыпала я с надеждой, что все это лишь мой ночной кошмар, который развеется, когда солнечные лучи постучат в окно моей съемной студии (которую я любовно называла зэгэтэшкой) на последнем этаже малосемейки.

Очнулась я от того, что чья-то рука теребила меня за плечо. Открыв глаза, я обнаружила, что лес по-прежнему был на месте.

– Ян, посмотри! Это же госпожа Федерика, дочка графа Лоренцо! – над ухом прозвучал полный удивления и неподдельного восторга грубый женский голос. – Точно она, зуб даю! Погляди, как выросла!

– Что? – промямлила я, продирая заспанные глаза и пытаюсь рассмотреть того самого Яна и женщину, обладательницу зычного тембра. – Какая еще Федерика? Меня зовут Феодора. И я знать не знаю никакого графа Лоренцо! Где я?

«И что за странный говор у этих двоих? – пронеслось в голове. – Похоже на испанский или итальянский. Как я их понимаю? Ладно еще понимаю их речь, но я сама только что им ответила. Чудеса в решете!»

Мне, наконец, удалось полностью открыть глаза, и я едва сдержалась, чтобы не закричать от испуга. На меня смотрели двое весьма странных людей. На женщине было длинное засаленное платье до пят, пошитое то ли из мешковины, то ли из какой другой дешевой материи, поверх которого был повязан выдавший виды фартук с жирными пятнами масла. На голове у нее красовался чепец, призванный сдерживать рыжие вьющиеся волосы, которые выбивались из-под него и лезли грузной даме в глаза. Лицо у мадам было грязно-серое от пыли. Такого же цвета была ее рука, которая продолжала лежать на моем плече.

Захотелось немедленно сбросить ее и вообще – держаться от неизвестной тетки подальше, ибо ко всему прочему у нее жутко воняло изо рта. Я поднесла к лицу руку, чтобы хоть как-то перекрыть зловоние.

Мужчина выглядел не лучше, хотя и был моложе своей спутницы лет на пятнадцать. Он напоминал бурлака с картины Репина – с длинной рыжей бородой, грязными взъерошенными волосами, в заштопанной рубаше и коротких облегающих штанах до колен, которые открывали взору его мощные икры, покрытые курчавой рыжей растительностью. Этот Ян тарасился на меня как баран на новые ворота, демонстрируя поистине зловещую улыбку, которой недоставало как минимум половины зубов, остальные же были такого желто-коричневого цвета, что от одного их вида я была готова упасть в обморок. Короче, не мужик, а мечта дантиста.

«Бомжи», – выдал решение мой воспаленный мозг.

– Матушка, она говорит, что ее зовут Феодора, – повторил мои слова мужлан.

– Да ты посмотри на нее – в монашеской рясе, которую ей, наверное, не меняли со дня пропажи, и каких-то черных изношенных башмаках да драных чулках, грязная, худая и напуганная. Ее наверняка держали в плену эти изверги-иезуиты! Может быть, даже пытали. Вот бедняжка и повредила умом. – Тетка деловито покрутила пальцем у виска, чем вызвала во мне жгучее желание треснуть ей по макушке. – Сколько лет уж ищет ее отец? За такой срок можно и свихнуться, милоч.

Я поморщилась, слушая душещипательный рассказ бомжихи, и смерила ее презрительным взглядом. Но она ничуть не смутилась.

– Никакая ты не Феодора, душенька! Ты Фе-де-ри-ка, графиня Конте. Дочь графа Лоренцо, владельца этого леса и болота. И полей за лесом.

«Конте... Лоренцо... Федерика... – подумала я, – точно Испания или Италия».

– Черт-те что и сбоку бантик, – резюмировала я откровение тетки, а затем поднялась и осмотрелась, ища глазами тропу, по которой пришли эти двое, – толку от вас ноль. Нужно самой выбираться.

– Матушка, а граф выдаст нам награду за госпожу Федерику? – поинтересовался Ян.

– Выдаст, выдаст. А потом догонит и добавит. С чего ему нам награды выдавать? Сборщик налогов который месяц обивает порог замка, а все же не смог добиться от графа ни единого луидора. Того и гляди пошлет за королевской гвардией, чтобы бросить графа в долговую яму.

Я старалась не слушать бредни странной парочки, которая, судя по всему, была немного не в себе, и, заметив тропинку, зашагала к ней. Наверняка она выведет меня если не на окраину города, то по крайней мере я окажусь в каком-нибудь населенном пункте.

В голове крутились вопросы. Как я тут очутилась? Почему мне вдруг стали велики джинсы и балахон? Что со мной сделала Бабка-Яга и ее скоморох? Оглушили или опоили чем-то? Куда они меня вывезли? А главное, как они умудрились вывезти меня в Европу? Откуда я знаю этот язык? И где все это время носило Катерину? Ух, и огребет же она у меня по полной программе за это представление!

За спиной слышалось шушуканье сына и матери. Они шли за мной по пятам, и как бы я ни старалась отдалиться, ужасный запах от их пропитанных потом и грязью одежд доносился до меня, заставляя желудок сворачиваться в трубочку и протяжно урчать, грозя приступом рвоты.

Неожиданно в мыслях проскочил еще один, казалось бы, совсем не важный, вопрос.

Проскочил быстро, почти незаметно на фоне остальных проблем, терзавших мое сознание, но мне вдруг показалось, что именно в ответе на этот вопрос и кроется разгадка моей головоломки.

Меня внезапно осенило, что из дому я выходила тепло одетая и в начале апреля, когда снег еще не до конца сошел и по ночам продолжаются заморозки. А сейчас мне невыносимо жарко в моем шерстяном балахоне и теплых ботинках. И я уже не могу списать это на бег по ночному лесу.

Мои ленивые шаги с трудом можно назвать бегом. Да и наряды парочки бомжей куда больше по погоде, нежели мой. Я резко остановилась и повернулась к ним лицом.

– Какой сегодня день?

Мой пытливый взгляд просверливал на их поросших пылью лицах дырки, но вопрос, судя по реакции тетки, был воспринят сочувственно, поскольку вполне себе вписывался в их концепцию о потере мной памяти вследствие иезуитских пыток.

– Конечно-конечно, моя дорогая госпожа Федерика, – запричитала женщина, покачивая головой, – как я сразу не подумала, что вы за столько лет потеряли счет времени. Сегодня первое июня 1678 года от Рождества Христова. А вчера – о, если бы вы только вспомнили! – вчера ведь были ваши именины. Восемнадцать лет уже, как госпожа Антония произвела вас на свет. Да упокоит Господь ее душу.

Тетка быстро перекрестилась и прошептала что-то себе под нос. У меня же челюсть отвисла от ее заявления. Кто-то один из нас совершенно точно свихнулся. Смею надеяться, что это не я. Иначе... Что будет иначе, я не могла сформулировать, ибо пребывала в глубочайшем недоумении.

Если судить по температуре воздуха и обилию зелени вокруг, я действительно каким-то образом перенеслась в лето. Списывать это на климатический катаклизм язык как-то не поворачивался. Если только «наши западные партнеры» не изобрели климатическое оружие и не решили, что пришла пора его испытать.

– Уважаемая, – начала я деловым тоном, подбоченившись и горделиво задрал подбородок, – я не знаю никакой Антонии, мою матушку звали Нина, и вы мне сильно льстите, называя меня восемнадцатилетней девушкой. Мне уже далеко за тридцать, неужели не видно?

– Господь с вами, госпожа Федерика. Вы юны и прекрасны, как цветок лилии! До чего же довели вас эти монахи! Креста на них нет, хотя и запечатали себя в монастырских кельях... Вот, – тетка запустила свою грязную лапищу в широкий карман и достала оттуда до блеска отполированную большую железную ложку наподобие половника, – полюбуйте на себя. Это у меня вместо зеркала. Сынок сделал. – Тетка повернула голову к мужлану и с любовью посмотрела на него. На лице у «сынка» растянулась довольная улыбка.

Я отмахнулась от ложки, как от назойливой мухи, повернулась и зашагала по тропинке дальше. Бурбит черт-те что. Юна, прекрасна, лилия какая-то. Это я-то? Еще и половник в лицо сует. Ну и бред. Тетка точно пьяная. Неспроста от нее несет, как от помойки.

Впереди показалось поле, поросшее то ли рожью, то ли пшеницей. Голова шла кругом. Откуда взялся этот дремучий лес, да еще и злачные поля?

– Госпожа Федерика! Да погодите же вы! – причитала за спиной противная бабенка, которая никак не хотела отвязаться от меня. – Позвольте, мы с моим увальнем Яном-конюхом проводим вас до замка! Я боюсь, как бы вы дорогу не запомнили и опять не заблудились!

– Оставьте меня в покое, гражданка! Я сейчас с ума сойду! – крикнула я, не оборачиваясь.

– Что это такое – гражданка? – спросил Ян у мамыши.

– Не знаю, может, ругательство какое иноземное. Не видишь, что ли, госпожа Фике головой повредилась, – ответила тетка, ничуть не смущаясь того, что я все слышу. Я лишь презрительно фыркнула, решив не связываться с этими маргиналами.

Спустя несколько минут я была вынуждена остановиться прямо посреди поля. Спустившись с холма, на котором, как оказалось, и рос дремучий лес, я увидела вдалеке, за линией полей, скалистый берег, на одном из утесов которого возвышался величественный замок.

От полей замок отделял старый подъемный бревенчатый мост с огромными проржавевшими цепями, по краям которого спокойно разгуливали гуси и куры. Фасад замка порос мхом и плющом и оттого казался каким-то плюшевым. По углам высились дозорные башни со смотровыми площадками. Чуть правее виднелась колокольня церкви и длинная улица с низенькими домиками с черепичными крышами.

– Это еще что такое? – ошеломленно спросила я, обернувшись к своим преследователям.

– Как что? – улыбнулась тетка. – Замок Конте и деревня.

– Какая еще деревня?

– Деревня, в которой живут крестьяне вашего отца, графа Лоренцо, его верные вилланы.

– Дайте сюда половник... тьфу, ложку эту, – рывкнула я, изо всех сил пытаюсь осмыслить услышанное.

– Пожалуйста.

Женщина обтерла ложку подолом своего платья и протянула ее мне. Я зажмурилась, мысленно готовясь к самому худшему. И правильно сделала. Когда я открыла глаза, на меня смотрело незнакомое лицо, смутно напоминавшее меня в молодости, – юная и прекрасная, как лилия, госпожа Федерика, графиня Конте с фарфоровой кожей и нежным румянцем, золотисто-карими глазами и аккуратными пухлыми губами. Из-под капюшона балахона виднелись длинные локоны цвета сусального золота.

Я открыла в изумлении рот, не веря своим глазам.

– О боже! – прошептала я, не в силах отвести взгляда от своего немного искаженного, но, несмотря на это, столь прекрасного изображения.

– Госпожа, что с вами? Вы в порядке? – испуганно проблеяла тетка.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила я.

– Как кто? Это же вы! Поверить не могу. Неужели вам за десять лет ни разу не дали посмотреть на себя в зеркало? Ох и донесу я на этих монахов нашему пастору! Он пожалуется архиепископу, а тот задаст этим извергам трепку. Ох и задаст!

Для пущей убедительности женщина грозно сдвинула брови и потрясла в воздухе кулаком. У меня же в голове заварилась настоящая каша. И вдруг, в какой-то момент, озарение снизошло на мой воспаленный разум. В памяти всплыли последние слова ведьмы Ванды: «Съешь леденец и перенесешься на тринадцать лет назад...» Перенеслась. Только не на тринадцать лет, а на несколько веков! Промахнулась чертова гадалка, чтоб ей пусто было! Еще как промахнулась!

– Чудо! Это просто чудо! Да еще и в такой день! – где-то совсем рядом раздался старческий мужской голос. – Поверить не могу!

Я открыла глаза и уставилась на выцветший каменный потолок, когда-то расписанный яркими фресками.

После моего последнего открытия мозг решительно отказался воспринимать новую информацию и отправил меня в благословенный обморок. Очнулась я в большой прохладной комнате на деревянной кровати с соломенным матрасом, сквозь обшивку которого мне в тело врезались острые концы засохших травинок. Через широкое окно с резными ставнями в комнату проникал дневной свет. На стенах висели старые гобелены, а от потушенных недавно свечей исходил запах дыма и воска.

Разумного объяснения всему происходящему я найти не могла. Или у меня развилась особо опасная форма шизофрении, или я действительно каким-то боком проскочила по тому коридору времени, о котором говорила гадалка. В обоих случаях кричать и топтать ногами, попутно обвиняя каждого встречного-поперечного в скудоумии, – только себе вредить. Поэтому я решила плыть по течению и поменьше болтать. Глядишь, так в себя и приду, рано или поздно проснувшись в родимой зэгэтэшке.

– Федерика, моя нежная дочь! – надо мной склонилось доброе морщинистое лицо мужчины, глаза которого увлажнили слезы радости. – Моя маленькая Фике! Сколько слез я пролил, оплакивая тебя, сколько ботинок истоптал, прочесывая окрестности, сколько свечей пожег, вымаливая тебя у Господа!

Напудренный парик на его голове съехал набок, а на высоком воротнике-жабо красовалось красное пятно от вина. В нос ударил кислый запах браги. Мой новый папенька, очевидно, любил приложиться к бочке с бордо или каберне. Одет граф был немногим лучше своих крестьян. Разве что одежда была выстирана.

Я опустила взгляд ниже, на свое тело. С меня сняли балахон и чулки и нарядили в светлую сорочку до пят с зашнурованным вырезом на груди. Изрядно похудевшую талию стиснули плотным корсажем из выдубленной кожи какого-то парнокопытного животного.

В корсаже было жарко, зато он приподнял мою грудь, которая теперь весьма аппетитно выступала под одеждой.

– Я упала в обморок? – решила я поддержать беседу.

– О да, мое дитя! – ответил старик, смахнув с лица слезинку. – Матильда и Ян нашли тебя в лесу, одну-одинешеньку, в серой монашеской сутане и драных чулках, напуганную до смерти. Матильда говорит, ты бредила... Бедный мой ребенок. Да благословит их Господь! В награду я отдал им последнюю гусыню со двора. Что толку от гусыни, если она не дает потомства вот уж третий год... Эх...

Мужичок тяжело вздохнул и посмотрел куда-то вдаль.

– Подумаешь, гусыня... – фыркнула я.

– Да, действительно. Такая мелочь, что и жалеть не стоит, – поддакнул граф, – тем более что сегодня первое летнее полнолуние. Великий день!

К концу фразы голос старика изменился до неузнаваемости. Вместо жалобно млеющего дедульки передо мной возник гордый дворянин, полный надежд и чаяний.

– И что же сегодня за день такой? – осторожно поинтересовалась я.

– День, когда распускаются цветы абелии! – торжественным тоном отчеканил папенька.

– И что?

– Как что? Ты совсем ничего не помнишь? – удивился граф.

– Совсем, – прикинулась я.

– Восемнадцать лет назад я, как и все остальные гранды – вассалы короля Альфонсо II, подписал хартию, в которой обещал его величеству – да упокоит Господь его душу! – если на моем участке в ночь, когда случится первое летнее полнолуние, расцветет дерево абелии, то я отдам свою дочь по достижении ею совершеннолетия в жены инфанту, его наследнику, а ныне – королю.

– А почему король не захотел женить своего сына на какой-нибудь иноземной принцессе? Зачем ему дочери подданных? Это же вроде как не престижно, – усомнилась я.

– Потому что дочери Басконского королевства – самые прекрасные девушки на земле, и так ему поступить велел звездочет, – протрубил граф голосом глашатая, а затем уже тише добавил: – К тому же Альфонсо II разругался в пух и прах со всеми королевскими дворами из-за своего упрямства и нежелания идти в очередной крестовый поход. Ему все отказали. Никто не захотел отдать за юного инфанта Филиппа свою дочь. Однако, – мужчина сощурил глаза и пыгливо посмотрел на меня, – раз уж ты совсем ничего не помнишь, открою тебе и истинную причину его склоки с королевскими дворами Европы. Покойный Альфонсо II захватил власть, задушив своего брата – короля Хуана II, а его сына – четырехлетнего инфанта Альваро – сослал в родовое имение бездетного герцога Альба, который и воспитал мальчика как родного сына и даже дал ему свою фамилию. Было это, если память не изменяет мне, двадцать шесть лет назад. Неизвестно, что произошло с ребенком во время заговора, но теперь герцог Альваро Альба носит черную бархатную маску, которую никогда не снимает, да к тому же прихрамывает. Никто из грандов до сего дня не посмел раскрыть ему правду о его истинном происхождении, опасаясь мести короля. Что поделать? – Старик сокрушенно пожал плечами. – Такова его судьба.

«Ничего себе! – подумала я про себя. – Значит, характерец у покойного короля был препаршивый». Это же надо – укокошить родного брата ради короны и изуродовать собственного племянника! Нехристь, а не человек. Интересно, в него ли сынок?»

Я с интересом слушала графа Лоренцо, но до меня все еще не доходил смысл его слов. Я не придавала особого значения ни тому факту, что я вроде как и есть одна из тех самых «обещанных невест», ни информации о «дне цветения» какой-то там абелии, который, как оказалось, случился именно сегодня, ни своему второму по счету совершеннолетию (если это все, конечно, мне не снится в страшном сне). Зато знакомое название испанской провинции окончательно убедило меня в том, что я в Европе.

– И что, зацвела эта абелия уже у кого-то во владениях? Женили молодого короля? – продолжила я допрос новоявленного родственника.

– В том-то и дело, что нет, дорогая моя Фике! – едва не захлопав в ладоши, ответил граф, подпрыгнув с кровати, точно кузнечик. – Из всех дочерей грандов, ты одна у меня осталась восемнадцатилетняя. Это просто невероятно! Король Филипп IV уже потерял всякую надежду обзавестись законным потомством, но я послал гонца в замок Пилар, где сейчас расположен двор. Это совсем рядом, соседние угодья, если ты помнишь. Уверен, Господь смилостивился над старым грешником Лоренцо и сегодня вечером пошлет нам благой знак. Дерево зацветет. Оно должно зацвести. Иначе молодой король так и останется холостым, а у трона не будет наследников.

– Что вы такое говорите?! – решила я подыграть и выпучила глаза. – Это просто невозможно!

Старик кивнул, расплываясь в какой-то хищной улыбке. Глаза его горели странным огнем, вселявшем в меня страх.

– В том то и дело, что невозможно! Поэтому ничуть не сомневаюсь, что королевский звездочет, узнав добрую весть, прочтет свои заклинания, дабы заставить непокорное дерево зацвести. Сегодня великий день! – подытожил свою пламенную речь дедуля. Он как-то сразу вытянулся, выпрямился, встал по стойке смирно в центре спальни и горделиво задрал подбородок, который украшала тоненькая козлиная борода.

И в эту секунду до меня дошло. Как до утки, на третьи сутки. Папаня вознамерился осуществить обещанное и преподнести свою Фике (меня то бишь) молодому королю в качестве подарка. С таким поворотом событий я была совершенно не согласна, потому быстро опомнилась и вскочила с постели.

– Что все это значит, дорогой папенька? – грозно спросила я. – Уж не решили ли вы отдать меня замуж?

Выговаривая слово «папенька», я едва не поперхнулась, ибо тяжело было признать в постороннем человеке родного отца, который к тому же решил поиграть со мной в вершителя судеб.

– Конечно! – радостно воскликнул граф. – Конечно же, решил! Решил еще восемнадцать лет назад, когда поставил свою подпись в хартии. К тому же я даже и мечтать не смел, что однажды мой род породнится с королевским. Более того, ничуть не сомневаюсь, что это замужество избавит наше имение от непосильной налоговой ноши и бремени долгов. Признаться, я был в полном отчаянии еще сегодня утром. Мне пришлось уволить кухарку и единственную горничную, потому что нечем было заплатить им жалованье. Из всей прислуги только и остались птичница Матильда да ее сынок Ян, который и за конюха, и за истопника, и за кучера, и за дворецкого. Стыд и позор великому дому Конте!

Чем дальше я слушала графа, тем больше выгибались мои брови и тем сильнее отвисала моя челюсть. Вот она какая – отеческая любовь по-средневековски. Ни тебе долгих расспросов, что да как, ни обещания наказать похитителей, ни крепких отцовских объятий и пира в честь возвращения дочери в родные пенаты. Кроме пары пущенных слезинок, дедуля не выдал из себя ничего стоящего и искреннего. Если верить Матильде, потерялась я десять лет назад. Но папашу совершенно не волнует, где я все это время была и что со мной делали. У него один насущный вопрос – прислуги не хватает да престиж фамилии страдает. Вот же лицемер!

– А вы моего мнения спросить не желаете? – Я скорчила ехидную рожицу и смерила папеньку надменным взглядом.

– Сейчас я пришлю к тебе Матильду. Она тебя вымоет, оденет и причешет. Советую тебе провести оставшееся до вечера время в молитвах о благополучном исходе этого дела, – заявил граф тоном, не терпящим возражений, показывая свою истинную сущность, – не советую пытаться сбежать или выпрыгнуть в окно. Подумай лучше о том, какая шикарная жизнь тебе уготована, и перестань упрямяться. Я дал слово гранда королю и сдержу его, чего бы мне это ни стоило. Граф Конте никогда не возьмет назад свое слово. Такова моя воля, и точка!

Отчеканив последние слова с воистину королевским достоинством, мой лжепапаша развернулся, щелкнув шпорами на потрепанных кожаных сапогах, и по-юношески бодрой

походкой покинул мои апартаменты. Послышался скрежет ключа в замочной скважине. Я чертыхнулась и подбежала к двери. Не испытывая особых иллюзий, попробовала дернуть дверь на себя – напрасно. Такую тяжелую дубовую дверь не так-то просто открыть, даже если комната не заперта, – как говорится, сделана на века.

Естественно, я тут же ринулась к окну, но была вынуждена в ужасе отпрянуть. Подо мной плескались темные воды моря, которые разбивались об острые скалы, выступавшие из воды, как забрало рыцарского шлема, точно телохранители-великаны, оберегающие замок от непрошенных гостей.

Идея аккуратно слезть по веткам плюща до ближайшего выступа сначала показалась мне гениальной, откуда я не поняла, что с него мне дорога только на дно неизвестного моря.

Отчаяние захлестнуло меня. Я обреченно плюхнулась на кровать и заревела. Напряжение, которое росло внутри меня после моего пробуждения в лесу, наконец вырвалось на свободу. Не знаю, сколько времени я так провалялась, но занятие это в итоге мне порядком поднадоело, так что я встала и начала пинать противную дверь ногами, требуя выпустить меня на свободу.

Спустя несколько минут, когда я уже охрипла и оглохла от собственного крика, дверь скрипнула и открылась.

Уже знакомый мне Ян затащил внутрь два ведра с водой, от которой шел пар, следом за ним вошла Матильда, которая сменила свой «походный» замусоленный наряд на чистое, хотя и застиранное платье. В одной руке у нее был большой медный таз, а в другой черпак.

– Ну что, душенька? – ласково пробубнила она своим басом. – Вот и настал твой самый счастливый день!

После этого заявления моя «дуэнья» сначала оскалилась в уродливой улыбке, а затем расхохоталась в голос, да так, что от эха ее зычного голоса, гулявшего под сводами спальни, мурашки побежали по коже.

Одна надежда – проклятое дерево сегодня не зацветет.

Процессия двигалась медленно и нудно. Идущие впереди факелоносцы гнусавым голосом тянули какую-то заунывную песню, напоминавшую похоронный марш. Жители деревни окружили портшез, в который меня усадили, и то и дело заглядывали внутрь, приоткрывая тяжелые бархатные шторы, проеденные молью, словно проверяли – не сбежала ли жертва. Вся дорога была засыпана лепестками цветов, разбрасывать которые поручили галдящей детворе. Судя по всему, цветочные лужайки в окрестностях имения подверглись в этот день нападению верных вилланов графа Конте.

Матильда надраила меня горячей водой с мылом, заплела две тугие косы, которые скрутила в баранки и пришила по обе стороны головы. Теперь я и в самом деле напоминала барашка, которого ведут на заклание. Точно так же я себя и чувствовала. Ни дать ни взять – запуганная овечка, которой только и оставалось, что отбросить прочь сомнения и попытаться приспособиться к ситуации, что я изо всех сил и пыталась сделать, вспомнив сто второй закон ушу – «не можешь сбежать – расслабься и получи удовольствие».

По правде сказать, овечка из меня вышла весьма симпатичная. После помывки я удосужилась чести лицезреть прелести сеньориты Федерики в большом, затянутом пылью зеркале, которое Ян приволок из подвала.

Девушка действительно была чудо как хороша – высокая, стройная, но не костлявая, с приятными округлостями в области бедер, небольшим животиком, который как по мне – так только добавлял моей новой внешности перчинку, небольшими упругими грудями и изящными острыми плечами. Что говорить – мой теперешний облик мне нравился гораздо больше, нежели тот, в котором я пребывала до телепортации (или что там со мной произошло – поди разберись).

Удалось и прелестное личико поближе рассмотреть. Таких красавиц и среди моделей трудно разыскать, а тут вдруг оказывается, что все это мое – и нежная бледная кожа, и пронзительные карие глаза, и сочные губки бантиком, и горделиво вздернутый носик, и широкие линии бровей, придающие взгляду выразительность. Настоящее волшебство! Если быть до конца откровенной, после этого акта самолюбования мне как-то совсем расхотелось обратно.

А вот с нарядом получился конфуз. Во всем замке еле нашли подходящее по размеру и подобающее торжественному случаю платье. Хотя подходящим его можно было назвать с большой натяжкой. Я, возможно, и не эксперт в средневековой моде, но ничуть не сомневаюсь, что наряды настоящих аристократок должны были поражать воображение своей роскошью и благородством. В моем случае ни первым, ни вторым даже не пахло.

Пошитое из грубого серого сукна, парадно-выходное платье покойной графини Антонии село на меня как мешок на кобылу – в талии оказалось так сильно велико, что лишние сантиметры пришлось закалывать булавками, острия которых теперь при каждом движении больно врезались мне в кожу. По длине также вышла неувязочка – подол не доходил даже до щиколоток. И если мне, как любительнице миди, это не доставляло никакого дискомфорта, то папаня был в ярости – орал и верещал, что из-за непосильного налогового бремени и огромной дыры в кармане его дочь будет выглядеть как «портовая девка, только и мечтающая оголиться на людях и завлечь в свои чертоги парочку пьяных моряков». Обидный эпитет, конечно, ничего не скажешь. И это только потому, что у меня, видите ли, оголены щиколотки!

Единственным украшением платья служили пожелтевший от времени и пыли кружевной воротник да парочка медных пуговиц.

Когда мои носилки опустили на землю, все вдруг замерло и затихло. Кто-то из крестьян, растянувшись в услужливом поклоне, приоткрыл для меня штору портшеза, и я осторожно выбралась на улицу.

Странные туфли с огромным бантом на мыске, которые откопали в кладовых замка, ужасно жали, поэтому я сморщилась, когда ступила на землю.

Как оказалось, меня принесли к огороженному частоколом дереву посреди луга. Дерево как дерево, только, судя по его размеру, карликовое, с пышной кроной, напоминающей шапку.

– Вот мы и на месте, моя дорогая Фике! – неизвестно откуда ко мне подлетел граф Лоренцо, который сменил свой крестьянский наряд на добротный сюртук и коричневые широкие ренгравы с тремя рядами кружевных валунов.

Такие штаны были в почете у костюмеров фильмов про мушкетеров. Я вспомнила любимую картину и улыбнулась – надо же своими глазами увидеть человека, который считает это модным!

Вид у папеньки был нелепый, но держался он с поистине королевским достоинством.

– И что теперь? Будем сидеть и ждать до утра, когда на дереве распустятся цветы?

– Именно! – протрубил граф.

– Меня терзают смутные сомнения, что дерево, какое бы оно ни было, зацветет в июне. Согласно моим скромным познаниям в ботанике, плодоносные деревья цветут весной, – попробовала я воззвать к логике.

– Это не какое-то там плодоносное растение, – рассердился старик Лоренцо, – это абелия! Королевское дерево, которое цветет один раз в двадцать лет. И не важно – зима на дворе или лето. Перестань уже перечить отцу и покорись своей судьбе! Родовое имение Конте бьется в предсмертной агонии, и ты, чтобы спасти его, выполнишь то, что предназначено тебе судьбой!

Последнюю фразу он так грозно гаркнул, что у меня начал дергаться глаз. Да и вилланы, зачем-то прихватившие с собой вилы и тямки, все как один вдруг начали таращиться на меня как на врага народа.

Э-э-э, нет. С такой ордой голодных и озлобленных людей мне было точно не сладить, так что я благоразумно решила продолжить получать сомнительное удовольствие от созерцания огороженного колышками дерева.

Увидев пораженческое выражение на моем лице, крестьяне расслабились и расселись вокруг дерева прямо на траву, а затем опять затянули свою унылую песенку.

Граф Лоренцо сложил руки в молитвенной позе и начал что-то бормотать себе под нос.

Я повертела головой и осмотрелась, чтобы понять, куда меня принесли. Позади виднелся замок с окружающими его полями и дремучий лес, впереди простиралась луга и холмы. В отдалении слышался шум моря, а ветер доносил до носа его соленый запах.

Неожиданно я заметила, как впереди из-за холма показалась фигура всадника. Человек приближался к нам быстро, и вскоре стали слышны его ругательства, которые он выкрикивал, чтобы подгонять лошадь.

Добравшись до места нашего сборища, незнакомец быстро спрыгнул с коня, подошел к графу и, преклонив колена, протянул ему свиток, перетянутый лентой и скрепленный сургучовой печатью.

– Сеньор Конте, для вас послание от королевского звездочета! – произнес мужчина, пытаясь успокоить сбившееся дыхание.

– Славно, славно, – затараторил граф, принимая свиток дрожащими от волнения руками, – все-таки успели!

Я удивленно выгнула бровь, не понимая, чему так обрадовался папаша, – подумаешь, свиток. Неужели он верит, что заклинание какого-то там шарлатана-звездочета поможет ему спихнуть меня замуж за короля?

– *Bella gerant alii, tu felix abelia, nube!*^[2] – нараспев прочитал граф, а затем облегченно выдохнул и плюхнулся перед деревом на траву. – Все, теперь остается ждать.

Я повела плечами и уселась рядом. Хорошо, подождем. Спешить все равно некуда.

Ждать пришлось недолго. Я прикрыла глаза и просто дышала свежим воздухом с влажными частичками моря, как вдруг кто-то из крестьян заорал: «Ви-и-и-ижу-у-у!» Этот крик был встречен толпой улюлюканьем и громким свистом.

Я как ошпаренная вскочила с места и вытаращилась на дерево, пытаясь разглядеть то, что этот виллан там заприметил. Не знаю отчего, но сердцу в груди вдруг стало тесно, дыхание сперло, а по позвонкам начали бегать противные мурашки. Все признаки подступающей паники были налицо.

Тихая волна шепота прошла за спиной. Все собравшиеся расплылись в широких улыбках, а некоторые стали махать руками, показывая своим соседям то, что я силилась рассмотреть.

Подойдя к дереву поближе, я, наконец, увидела его – первый цветок абелии, распустившийся на одной из верхних веток. Это было удивительное соцветие сиреневого цвета, лепестки которого мерцали в темноте, как будто на каждом из них сидело по светлячку. Спустя мгновение дерево начало покрываться цветами, точно нежнейшей вуалью. Не успела я прикрыть отвисшую от изумления челюсть, как абелия уже вся была в цвету, напоминая огромное сиреневое облако, переливающееся в лунном свете загадочным блеском.

Аромат, исходивший от распустившихся цветов, кружил голову, точно хмель. Спустя пару минут крестьяне, отошедшие от первого шока, принялись плясать и петь, восхваляя короля, графа и волшебное дерево.

Началось настоящее безумство. Хороводы, смех, веселье, заводные песни – унылых вилланов точно подменили!

Любопытство пробирало меня – неужели действительно дерево волшебное и зацвело благодаря заклинанию? Я подошла вплотную к окружавшему его частоколу и внимательно всмотрелась в цветы. Теперь мне по крайней мере стала ясна причина удивительного блеска – частицы воды, которые сияли в свете луны. Я тронула кончиком пальца один цветок и поняла, что он напоен влагой, которую ветер принес с моря. Такой же влажной оказалась и трава под ногами – я специально нагнулась и провела по ней рукой.

Граф Лоренцо подбежал ко мне, схватил меня за руку и увлек за собой в огромный хоровод.

– Свершилось! Свершилось! Мы спасены! – кричал он, подпрыгивая под звуки дудочек и бубенцов.

Я пропрыгала с ним пару кругов, едва не плача от боли в сдавленных узкими туфлями ступнях, а затем незаметно выскользнула, выпустив его руку и всучив ее дородной барышне, скакавшей, как конь.

Настоящий конь, доставивший к месту таинства гонца, спокойно стоял в сторонке, привязанный к одному из кольшков забора вокруг абелии, и жевал траву. Он-то и был мне нужен.

Если сеньор Лоренцо думает, что моя свадьба – дело решенное, то он сильно ошибается. Я замуж по расчету не пойду, пусть хоть земля остановится. Не за этим меня сюда Ягуська закинула, ох, не за этим!

Я стояла рядом с конем и пыталась коснуться его рукой. Почему пыталась? Потому что страшно было до жути! В памяти тут же всплыли и Вадимова конюшня, и загон, и гнедая лошадка, которая сбросила меня с себя, едва не лишив жизни. Моя дрожащая рука зависла в воздухе, а я все никак не могла решиться и погладить жеребца.

На первый взгляд конь производил впечатление покладистого животного, поскольку никак не реагировал на мое присутствие. Я посчитала до пяти, зажмурилась и протянула пальцы к его гриве, оказавшейся на ощупь гладкой и приятной, хотя и немного жестковатой.

Жеребец фыркнул, заставив меня открыть глаза и отпрыгнуть от него. Он повернул ко мне свою длинную морду и посмотрел прямо в глаза, словно говоря мне: «Ну что ты, дурында, тут топчешься? Едем или да?» Нужно было решаться. Ибо еще через пару кругов коровода папаня начнет меня искать. И найдет ведь!

В голове зашевелились шестеренки, я судорожно начала думать, как бы мне расположиться на коне в максимально безопасной позе, и не нашла ничего лучшего, чем улечься на его спину, обхватив руками массивную шею. Так я хотя бы не слечу с него, если решит взбрыкнуть, а просто повисну. Хотя висеть на скачущем галопом коне тоже дело не очень приятное.

Выбора у меня не было, поэтому, прочитав «Отче наш» и отвязав коня от забора, начала карабкаться на него. Животное с пониманием отнеслось к моим жалким попыткам забраться в седло и все время, пока я карабкалась, стояло смирно, продолжая пережевывать траву.

Когда же мне, наконец, удалось усесться на него верхом, за спиной раздался вопль, заставивший коня дернуться, а затем пуститься прочь, да так быстро, что я даже испугаться не успела.

В ушах звенел отчаянный крик графа Лоренцо: «Держите ее!»

Конь мне достался резвый. Несмотря на то что он уже проделал длинную дорогу от замка Пилар до угодий графа Конте, в обратную сторону он мчался точно ветер. Его длинная густая грива развевалась по ветру, а поскольку я улеглась физиономией ему на шею, то волос лез мне и в рот, и в нос, и в глаза. Меня это, конечно, раздражало, но настроения не портило.

Сама не знаю, чему я радовалась. Удрать-то удрала, а вот куда теперь податься? Мало того что непонятно, что мне делать в Средневековой Европе, так еще и без гроша в кармане, в дурацком платье и неудобных туфлях.

Я совершенно потерялась во времени и понятия не имела, который сейчас час. Нет, то, что на улице была темень, хоть глаз коли, оно и ослу понятно, но хотелось бы знать точнее. Если прикинуть в уме, что к абелии меня повезли, когда солнце только садилось, то с учетом дороги до дерева, ожидания цветения и всех последующих хороводов с момента нашего выхода из замка прошло порядка трех часов. Следовательно, теперь должно быть что-то около одиннадцати или даже полночь. Не самое лучшее время для прогулок верхом по чужим владениям.

То, что мы пересекли границу графства Конте, я поняла, когда мы проскакали мимо озера, на зеркально гладкой поверхности которого отражалась полная луна. За озером начинался лиственный лес, больше похожий на парк, ибо деревья росли так, будто выстроились в ровные шеренги. Скорее всего, лес был рукотворным.

Матильда ничего не говорила о том, что у моего папеньки имеется в распоряжении озеро и парк, поэтому я и решила, что мы забрели к кому-то в гости. Лошадь словно знала дорогу и уверенно скакала по широкой тропинке.

Через несколько минут показались ухоженные лужайки, поросшие зеленой травой и засаженные цветами, и красивый дворец с широкой мраморной лестницей, в окнах которого горел свет.

Как только позади остались последние деревья, моя лошадка сбавила темп, что вызвало у меня облегченный выдох. Забираясь на нее (или него – разобраться я не успела), я совершенно забыла, что в руки нужно взять уздечку, и теперь даже не представляла себе, как еще я смогу заставить ее остановиться. Решение нашлось само собой. Конь, наконец, выдохся и протяжно ржал, перейдя на легкий аллюр.

Цокот его копыт эхом разлетался в воздухе. Я собрала волю в кулак и осторожно выпрямилась. Теперь я могла лучше рассмотреть то место, куда меня занесло. Интуиция подсказывала, что владелец столь шикарного паркового ансамбля – человек совсем не бедный, ибо «придомовая» территория замка Конте не шла ни в какое сравнение с тем, что я сейчас увидела.

Аккуратно стриженный газон, композиционные клумбы, увитые плющом беседки, лабиринты из кустарника, статуи греческих богов, многочисленные дорожки для прогулок и даже парочка искусственных водопадов – все это расположилось на территории не менее гектара и поражало своей красотой. Отдельное спасибо нужно сказать луне, в холодном свете которой эта картина приобретала особую утонченность.

Не дойдя нескольких десятков метров до парадной лестницы дворца, конь вдруг резко встал и начал трясти головой и фыркать, намекая, что некоторым наглým особам пора и честь знать. Я погладила его и почесала под шеей, а затем осторожно слезла на землю. Мой

верный помощник на мгновение повернул ко мне голову, а затем вдруг развернулся и побрел куда-то в сторону парка.

И вот тут меня накрыло. Где я? Чей это дворец? Не тот ли это замок, в который папаня посылал гонца? Мне вдруг стало жутко и страшно, тело начала бить мелкая дрожь. Я осторожно ступала по шуршащей гравием дорожке, озираясь по сторонам, словно загнанный олень. Олень и есть – другого определения я себе дать не могла. Сбежала, молодец, ничего не скажешь. А куда, зачем, к кому – это уже дело десятое.

Ночную тишину нарушали трескотня сверчков да доносящееся с озера кваканье лягушек. Из нескольких распахнутых окон дворца лились звуки рояля и скрипки, иногда ветер приносил чей-то залиvistый смех. Скорее всего, во дворце был прием. Об этом же свидетельствовали несколько «припаркованных» у лестницы карет, которые я смогла разглядеть, подойдя ближе.

Вдруг мой слух уловил разговор двух мужчин. Голоса слышались где-то совсем рядом. Я покрутила головой и поняла, что беседуют они в одной из укромных беседок, скрытые от любопытных глаз густыми зарослями винограда.

Естественно, мне срочно потребовалось услышать, о чем идет речь. Прямо вынь-положь! И Остапа, то бишь меня, понесло. Я сняла противные туфли, на цыпочках подкралась к той самой беседке и, затаив дыхание, стала вслушиваться в разговор.

– Что ж, ваше величество, полагаю, мы достаточно времени потратили на пустые любезности, теперь перейдем к делу, – спокойно, но твердо проговорил один из собеседников.

«Вот это я удачно зашла, – пронеслось у меня в голове, – попала на встречу короля с каким-то важным гостем». В душе сразу вспыхнула надежда, что мне удастся обзавестись компроматом, дабы шантажировать его величество с целью избежать проклятой свадьбы. О том, что меня могут схватить и укокошить, я почему-то не подумала. Наверное, сработал «эффект русской женщины» – бесстрашной и беспощадной, которая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет.

– Вы правы, ваше высокопреосвященство. Наше длительное отсутствие может вызвать вопросы. Что заставило вас искать со мной тайной встречи? – ответил моложавый приятный голос.

– Как ваш преданный слуга, я много лет веду работу по сбору писем-улик касательно заговора...

– Ну и? – раздраженно перебил собеседника король, показав тем самым, что тема была ему весьма неприятна.

– Вы знаете, мне удалось найти тайник герцога Фернандеса, и почти все письма оказались у нас в руках. Но герцог, как вы помните, в спешке бежал в Ватикан, прихватив с собой самый важный документ – доклад советника Сантаро о дворянах, присягнувших на верность вашему отцу, покойному королю Альфонсу II – да упокоит Господь его душу! – и изъявивших желание поддержать переворот делом и звонкой монетой.

– Подлый Фернандес, – прошипел король, – не напоминайте мне об этой продажной крысе, которая во время заговора металась из лагеря в лагерь, желая угодить и вашим, и нашим. Я хотя и был ребенком, но прекрасно все помню!

– К сожалению, до самого герцога добраться мне не удалось. Он принял постриг и находится под охраной ордена августинцев. Мне даже не позволили с ним увидеться. Хотя, смею надеяться, дни его сочтены. Теперь он старик, поверженный и униженный, лишенный

своего имени и состояния.

– Пусть Господь воздаст ему по делам его! – прогремел король, а у меня от его гневного голоса волосы на голове зашевелились.

Ощущение опасности потихоньку захватывало меня, в душе появилось предчувствие чего-то нехорошего. Хотя чего хорошего можно ждать от короля, который пришел к власти в результате заговора своего отца?

– Так вот, судьба все же была ко мне благосклонна, и я, подкупив одного из монастырских стражников, смог пробраться в келью бывшего герцога, а нынче брата Луиса, пока тот был на утренней молитве.

– Вы нашли доклад? – взвизгнул король.

– Нашел. Более того, он сейчас при мне.

Послышался шорох и тяжелое взволнованное дыхание обоих собеседников.

– Дайте же его сюда скорее! – не выдержал Филипп IV. – Я сейчас же пошлю верного человека в столицу, чтобы он спрятал там эту улику в мой тайник.

– Не лучше ли будет уничтожить бумаги, ваше величество? – осторожно предложил предстоятель церкви.

– Лучше, но сперва я сниму с них копии, чтобы держать в узде всю эту дворянскую свору, которая в последнее время слишком часто подает голос и поднимает голову. Среди знати идут разговоры о перевороте, некоторые особо отчаянные головы требуют раскрыть правду герцогу Альба и посадить его на трон вместо меня. Я напомню им, при чьем участии случился прошлый переворот и что с ними сделает Альваро, когда обо всем узнает. Если, конечно, он это вообще когда-либо узнает!

Договорив последнюю фразу, Филипп IV зашелся в приступе зловещего хохота, от которого по телу пробежали полчища колючих мурашек. До чего же противный тип, оказывается!

– О, ваше величество! Ваша мудрость не знает границ, – начал лебезить священник, а я тем временем, наслушавшись достаточно тайн, начала медленное отступление от беседки, дабы не быть пойманной с поличным, если эти двое решат прямо сейчас вернуться во дворец.

Пока я пятилась назад, в голове вовсю работали шестеренки. Значитца, у товарища короля имеется тайничок, в котором он хранит доказательства участия в заговоре его папеньки доброй половины басконского дворянства. Неплохо. Совсем неплохо. Разузнать бы, где именно хранится этот тайничок, и тогда можно со спокойной душой шантажировать его величество.

Покинуть место дислокации я решила вовремя, ибо спустя пару минут из виноградных зарослей показались две фигуры – низенький толстяк в фиолетовой сутане и с черным дзуккетто на голове и крепкий статный мужчина, в котором я и признала короля. Его величество был облачен в голубой камзол с высоким воротником, рукава которого украшало несколько рядов кружева, и такого же цвета ренгравы с парчовыми валунами, под которыми виднелись кипенно-белые чулки. На голове у Филиппа IV красовалась широкополая шляпа с огромным павлиньим пером.

Я замерла на месте, не зная, что делать и куда бежать, и, поняв, что меня все-таки заметили, не нашла ничего лучше, как изобразить обморок. Театрально взмахнув рукой, я громко ахнула и плюхнулась на мягкую зеленую лужайку.

Послышался топот, а затем мой нос уловил аромат ладана, исходивший от священника, и

запах королевских духов, на мой вкус слишком резких.

– Кто это, ваше преосвященство? – спросил король, склонившись надо мной.

Я приоткрыла один глаз и постаралась рязглядеть царственную особу. Надо признаться, Филипп IV был вполне ничего – мужественный овал лица, который украшала борода «бретта», глубоко посаженные голубые глаза, тонкие властные губы и прямой нос. На Джигурду нашего похож, только симпатичнее.

– Понятия не имею, ваше величество! – начал оправдываться толстяк.

– Как это вы не имеете понятия? – возмущенно заявил король. – Вы в своем замке принимаете двор и монарха и не можете обеспечить безопасность? Значит, в ваши владения может проникнуть кто угодно и когда угодно?

– Ваше величество, по-моему, преувеличивает, – заблеял священник, – это всего лишь юная сеньорита. Лучше помогите мне привести ее в чувство. У вас есть нюхательная соль?

– Да, – вдруг стушевался король, словно мальчишка, пристыженный старшим наставником.

Монарх закопошился, шаря рукой в кармане своего камзола, и через несколько секунд извлек наружу маленький атласный мешочек, который передал священнику. Толстяк наклонился ниже и начал размахивать перед моим носом этим мешочком, от которого исходил термоядерный запах полыни и еще какой-то травы.

– Однако... – вдруг задумчиво произнес Филипп, – наша гостя просто удивительно красива!

И здесь я не выдержала и чихнула, да так, что мои «спасатели» были вынуждены в испуге отпрыгнуть назад. Притворяться дальше было бессмысленно, так что я встала и поправила на себе платье, а затем согнулась в жалком подобии реверанса.

– Кто вы, прекрасная незнакомка? – поинтересовался толстяк.

Кто я? И действительно, кто я? А не знаю. Вчера с утра была Дорой Самойловой, кассиром-контролером на заправке «Транснефть», а теперь вроде как Федерика, графиня Конте. Мое замешательство озадачило короля и священника.

– Почему вы молчите, мое дитя? – проблеял представитель церкви.

Не успела я открыть рта, чтобы ответить, как за спиной раздался протяжный крик:

– Фике! Моя Фике! Слава Господу, ты здесь! Я знал, что конь королевского гонца привезет тебя именно сюда.

Так вот ты какой – верный конь! Я обернулась, чтобы посмотреть, кто же так истошно вопит, и чуть не прыснула со смеху – верхом то ли на мулах, то ли на ишаках к нам приближался мой новоиспеченный папенька в компании нескольких крестьян с факелами. Вьючное животное, которое оседлал граф, от усталости высунуло язык и хрипело. Наверное, ему изрядно досталось от папенькиных шпор, ибо я и подумать не могла, что буду так быстро обнаружена.

– Как это понимать, дон Лоренцо? – сердито спросил священник, поправив пояс на сутане.

«Приплыли...» – пронеслось у меня в голове. Теперь-то за графом не заржавеет – как пить дать, выложит сейчас всю правду про чертову абелию!

– Прошу меня великодушно извинить, ваше величество, маркиз Пилар... – старик слез с мула и начал расшаркиваться в реверансе, – но моя дочь – графиня Федерика – удивила меня и вопреки моей воле захотела сама сообщить вам радостную новость.

– Так это ваша дочь? – Король расплылся в улыбке чеширского кота. – Очаровательна! М-

да...

– Неужели расцвела? – радостно воскликнул толстяк, оказавшийся хозяином замка.

– Благодаря Господу и заклинанию королевского звездочета непокорное дерево зацвело!

О чем свидетельствует запись в аграрной книге графства Конте, а также это видели все мои крестьяне. Да что там крестьяне! – Старик вскинул в воздух руки. – Оно и сейчас цветет – вы можете лично в этом убедиться!

– Нашлась! – Филипп вдруг подпрыгнул и хлопнул в ладоши. – Нашлась моя птичка!

Нужно немедленно представить графиню двору! Мой род спасен!

Широкие улыбки озарили лица сюзерена, моего папаши и его высокопреосвященства.

Ну все, вот и пришел он – полный капут и ахтунг. Удрала, называется.

Радость короля по поводу обретения невесты длилась недолго. После того как обмен любезностями был закончен, Филипп принялся меня рассматривать что называется «с пристрастием» – прошелся жестким взглядом с головы до пяток и в итоге неодобрительно зацокал языком.

– Граф, неужели у вас во всем замке не нашлось лучшей ткани для платья суженой короля, чем это грубое серое сукно?

Раздражение, скользнувшее в его голосе, тут же отпечаталось на физиономии папеньки, который испуганно заморгал и скорчил извинительную морду.

– Ваше величество бесконечно правы! – затянул он гнусаво. – Однако, к моему стыду, должен признаться, что после объявления вашим величеством подготовки к войне с фламандцами сборщики налогов разорили меня. У меня угнали весь скот, подчистили кладовые и казну, увели несколько человек крестьян мужского пола в качестве рекрутов. Этот наряд – лучшее, что нам удалось сыскать. Прошу вас великодушно простить своего верного вассала и его бедную дочь.

«Вот же актер!» – подумала я о папуле, молча наблюдая за этой скорбной словесной пикировкой.

– Решительно, в таком виде ей нельзя появляться при дворе. Нас засмеют! – совершенно справедливо подметил король, продолжая пялиться на меня с недовольным видом.

– Рискну вмешаться и предложить к вашим услугам гардероб моей племянницы Габриэлы, который остался у меня после ее отъезда в имение мужа, – промямлил толстяк заискивающим голосом.

– Хотя бы так, – сдался король, – немедленно проводите графиню наверх и приведите ее в порядок, а я тем временем сообщу присутствующим хорошую новость.

Затем, подойдя ко мне поближе, так, что я могла уловить его дыхание, Филипп осторожно приподнял двумя пальцами мой подбородок и пристально посмотрел в горящие негодованием глаза. Меня передернуло от его холодного взгляда. Было в нем нечто опасное и дерзкое, нечто, что заставило меня задрожать от ужаса и зажмурить глаза, чтобы не видеть больше его красивого и одновременно отталкивающего лица.

– С этого момента, дорогая Фике, – прошептал Филипп, – вам запрещено любое самовольство наподобие сегодняшних ночных скачек, что вы устроили, послушавшись отца. Теперь вы невеста короля, ведите себя подобающе и хорошенько уясните, что со мной подобные шутки не пройдут.

Не знаю, куда вдруг пропала моя смелость, но в ответ я смогла только кивнуть, сглотнув комок, образовавшийся в груди после его слов. Несмотря на всю его холеную наружность и привлекательный внешний облик, от него разило какой-то внутренней гнилью, которую он прикрывал образом властного мудака. Знаем мы таких «властелинов», которые на поверку оказываются жутко закомплексованными маменькиными сынками, которым в детстве не хватило отцовского внимания и воспитания. Из таких вырастают маньяки или извращенцы. И чем дальше я смотрела вслед удаляющейся королевской фигуре, тем сильнее росло во мне ощущение, что Филипп соединил в себе обе эти ипостаси.

– Идемте, сеньорита, – рядом прозвучал елейный голос священника и по совместительству маркиза Пилара.

Мне пришлось взять под руку дона Лоренцо, который светился от счастья, как рождественская елка, и отправиться за толстяком в боковой флигель дворца. Меня провели по узкой темной лестнице (скорее всего, ей пользовалась прислуга) на второй этаж и заперли в большой и красиво обставленной спальне. В центре комнаты на деревянном подиуме возвышалась огромная кровать под бархатным балдахином, у окна стояла настоящая ванна, а в углу расположился туалетный столик с большим овальным зеркалом и изящное кресло на тонких ножках.

У стены напротив кровати из красного кирпича был выложен настоящий камин. Едва я закончила осмотр апартаментов, как дверь бесшумно открылась и в комнату вошла девушка. В руках у нее было невероятной красоты платье из золотой парчи, расшитое серебряными нитями и украшенное жемчугом по линии глубокого декольте.

– Я Анна, горничная. Прошу вас, графиня, примерьте это, – проговорила девушка, не поднимая головы.

Я с удовольствием скинула с себя ненавистный костюм серой мыши и надела платье. Племянница маркиза была немного меньше меня, поэтому платье слегка сдавливало в талии и груди, но в целом смотрелось весьма недурно, а если откинуть ложную скромность – чувствовала я себя в нем настоящей королевой.

– И как? Хорошо сидит? – спросила я для пущей уверенности у прислуги.

Анна смущенно улыбнулась и покраснела.

– В жизни не видела более красивой женщины, чем вы, графиня. Вот только... – Она закусила губу, почувствовав, что сболтнула лишнего.

– Вот только что? – переспросила я.

Девушка замялась и виновато посмотрела мне в глаза.

– Пусть ваша светлость меня простит, но мне кажется, к этому платью больше пойдут распущенные волосы, перехваченные сбоку каким-нибудь украшением.

Я посмотрела на свое отражение в зеркало и нахмурилась. Девушка была права. Мои бараньи рога были тут совсем не к месту. Быстро справившись со шпильками, я распустила косы и встряхнула волосы руками. Золотистые локоны рассыпались по плечам, а за спиной послышалось восторженное «ах».

– Вы великолепны графиня. – Анна подбежала к туалетному столику и из ящика достала заколку, украшенную высушенным цветком розы.

Она ловким движением приколола ее мне на висок, а затем осторожно поправила пряди на спине и плечах.

– Теперь все. Можно идти.

Я в последний раз посмотрела на свое отражение и не смогла сдержать довольной улыбки. И даже мои дрянные жмущие туфли не могли в это мгновение испортить настроение. И даже как-то обидно стало за мои былые комплексы и ужасное отношение к собственной красоте во время семейной драмы. Женская красота – это одновременно и дар, и оружие, которое в умелых руках может завоевать мир. Теперь-то я уж точно не позволю себе поедать килограммами тортики. Ибо моя красота – это единственное, чем я владею в этом новом мире и что может спасти меня.

За дверью меня ждал папенька. Увидев свою Фике в столь роскошном наряде, он застыл в изумлении. В его взгляде читалось восхищение и даже что-то похожее на уважение.

– Моя Фике! Моя красавица! Воистину, судьба верно распорядилась нашими жизнями, выбрав именно тебя в качестве королевской избранницы!

– Воистину, – выдохнула я, вспомнив, кому вся эта красота достанется. И радость как-то незаметно улетучилась с моего лица.

Внутри началось настоящее восстание. Пока мы поднимались по лестнице на третий этаж, где и располагался бальный зал, мое сердце подпрыгивало так, будто мне предстояло произнести речь на церемонии вручения «Оскара». Я в жизни никогда так не волновалась и не испытывала подобных чувств. Теперь я на своей шкуре узнала, что такое скрученный в трубочку желудок, кишечная колика и холодок, бегущий по венам.

Чем выше мы поднимались, тем громче звучала музыка и веселые голоса придворных.

Остановившись перед высокими золочеными дверями, которые охраняли двое лакеев в красных ливреях, я вдруг перекрестилась. Машинально, совершенно не задумываясь о своих действиях. Мне просто стало очень страшно, и где-то на подкорке вспыхнул огонек веры, и рука сама собой потянулась ко лбу.

– Граф Лоренцо Конте с дочерью, – гулким басом пропел лакей, распахнувший перед нами двери в мир интриг, заговоров и лживых улыбок.

Меня ослепил яркий свет, льющийся с высокого потолка, на котором красовались диковинные хрустальные люстры с сотнями свечей. Музыка вмиг стихла, по залу прошелся едва уловимый шепот. Придворные дамы, точно по команде, вдруг стали обмахиваться разноцветными веерами, скрывая за ними свои напудренные лица, мужчины откровенно тарасились на мой бюст, аппетитно выглядывающий из декольте, а сновавшие между гостями официанты с подносами в руках начали спотыкаться, стоило им только бросить в мою сторону любопытный взгляд.

Филипп IV стоял поодаль в компании грузной дамы в шикарном бархатном платье, с огромным пером в высокой прическе, и уже знакомого мне толстяка-священника.

– Ба! Наконец-то! – радостно воскликнула дама, которая с удивительной для ее массы скоростью бросилась нам навстречу. – Дайте же я вас обниму, дорогуша!

Женщина без лишних церемоний выхватила меня из цепких лап папаши и прижала к себе, да так сильно, что у меня перехватило дыхание. Надо сказать, тетка была теплая и приятная. От нее исходила какая-то положительная энергетика, полная противоположность тому, что излучал король.

– О, сеньора, – попыталась я высвободиться, – я тоже несказанно рада нашей встрече!

– Ба! – вдруг заявила она, отпустив меня так же стремительно, как и схватила. – Вы слышали? Она рада!

Женщина обвела присутствующих долгим взглядом, а затем неожиданно закатилась в приступе смеха. К моему удивлению, практически никто из придворных не решился повторить ее подвиг на глазах у короля. Несколько человек лишь ухмыльнулись, поспешив спрятать свои ухмылки за бокалами с вином.

– Чему ты радуешься, несчастная овечка? – сочувственно поинтересовала дама, резко перестав смеяться и изменившись в лице. – Ты хоть знаешь, что тебя ждет? – Незнакомка замолчала и смерила меня таким многозначительным взглядом, что я вконец расстерялась. – Тиран! Деспот и убийца! Вот кто твой будущий муженек, дорогая! Коснись такое же предложение меня – я бежала бы куда глаза глядят!

– Но вас подобное предложение никогда не касалось, дорогая тетушка, – подал голос король, до этого молча наблюдавший за столь необычной сценой, – к нашему всеобщему огорчению, ваши прелести оказались настолько сомнительны, что даже самые нищие князья из самых захолустных владений отказались на вас жениться.

Женщина расплылась в ехидной улыбке и с вызовом посмотрела на племянника.

– Ты прав, мой дорогой Филипп. Господь решил пошутить над моими покойными родителями и после красавца сына подарил уродину дочь. Однако потом спохватился и одарил меня тонким умом и бесконечным обаянием!

– Вы правы, дорогая герцогиня Гарибальди, – улыбнулся король, – так выпьем же за ум и обаяние моей дорогой царственной тетушки!

Он поднял вверх бокал с вином, и атмосфера в зале разрядилась. Придворные загалдели, послышался звон фужеров, особенно отчаянные головы повторяли тост короля. Меня же прошиб холодный пот. В этой шуточной перепалке я увидела совсем нешуточную ненависть между теткой и племянником, и оттого мне сделалось еще хуже.

«Боже, пошли мне спасение от этой напасти», – молилась я про себя, не чувствуя уже ни почвы под ногами, ни самих ног. Голова закружилась от обилия света, звуков и запахов.

– А теперь, господа, я предлагаю выпить за прекрасную графиню Конте, которая волею судьбы сегодня стала моей невестой! Свершилось древнее пророчество, и абелия зацвела. Тем радостнее мне, что зацвела она именно во владениях дона Лоренцо, подарив мне суженую воистину королевской красоты! За Федерику, за будущую королеву Басконии!

Зазвучали аплодисменты, эхом отзывались тосты в мою честь. Я прикрыла глаза и схватилась за руку отца, чтобы не упасть. Голова шла кругом. В каком же гадюшнике я оказалась? Брат убивает брата, тетка ненавидит племянника, а племянник – тетку, настоящего короля держат в дураках, скрывая от него правду о его происхождении. Кругом одни лицемеры и подхалимы, которые не упустят случая предать, если новый хозяин предложит лучшую цену. Меня затошнило, а на глаза навернулись слезы. Не хочу! Ни королевства, ни короля!

Я уже собиралась закричать что-то вроде «выпустите меня отсюда» или «остановите землю, я сойду!», как за спиной послышался знакомый лакейский бас:

– Его сиятельство герцог Альба!

Гробовую тишину, воцарившуюся в зале после представления нового гостя, нарушал скрип паркета и неровный стук каблучков. словно сам дьявол из преисподней, перед глазами предстал герцог Альваро Альба. одетый во все черное, в черной бархатной маске и с черной тростью, он появился в зале в тот момент, когда я решила, что хуже уже быть ничего не может. Оказалось, может. За его спиной возникла троица лакеев с горящими свечами, пламя которых создавало вокруг его фигуры какой-то зловещий мерцающий ореол загадочности и страха.

Он сильно хромал, двигаясь перекатывающейся походкой, и вовсе не старался как-то выровнять шаг. Создавалось ощущение, что ему совершенно плевать на то, как его воспринимают окружающие.

Герцог Альба притягивал к себе взгляд. Его покрытая тайной фигура излучала магнетизм такой силы, что отвернуться или даже просто опустить глаза оказалось совершенно невозможно. Я не могла понять, почему я вдруг чувствую себя кроликом, к которому приближается удав, и принялась внимательно рассматривать герцога. Мой взгляд сперва зацепился за руки – удивительно красивые руки с длинными тонкими пальцами, унизанные кольцами с огромными драгоценными камнями. Затем я увидела его волосы – густые, иссиня-черные, немного вьющиеся, небрежно спускающиеся до плеч. Когда же я опустила взгляд чуть ниже, тут же была вынуждена прикусить губу, ибо его торс был великолепен. Его широкая грудь была обтянута черной сорочкой с затейливым воротником в виде банта, который украшал огромных размеров алмаз. Воображение тут же принялось рисовать Аполлона, ведь такие руки, тело и волосы могут принадлежать только богам.

А затем я вновь увидела его большую ногу, колено которой было странным образом вывернуто вправо, и мурашки отвращения пробежались по моему телу.

– Дорогой герцог! – Филипп IV театрально распростер объятия и сделал вид, что очень счастлив видеть вновь прибывшего, бросился навстречу хромоту.

Я не видела выражения лица нового гостя, которое скрывала маска, но в его горящих, словно два уголька, глазах мелькнула усмешка.

Встреча короля и гостя состоялась как раз подле меня. Неизвестно откуда взявшийся озноб волной прошелся по телу, а сердце сжалось в груди, то ли от жалости, то ли от восхищения, то ли от благоговения. Герцог Альваро определенно имел над присутствующими незримую власть, которая подкреплялась не только тем фактом, что практически всем было известно его истинное происхождение, но и мощной харизмой, которой, несомненно, обладал этот мужчина. Несмотря на свои увечья, в нем чувствовалась уверенность, сила и благородство. Невозможно было не уловить исходившие от него флюиды мужественности. Было в нем что-то еще – спрятанное за семью печатями глубоко внутри, что-то волнительное и горячее, пробивавшееся на поверхность лишь легким намеком, определить который человеку неискушенному практически невозможно.

Читалось это в плавности и величавости его жестов, в горделивой осанке и расслабленности кистей рук, в том, как спокойно он чувствует себя рядом с королем и его прихвостнями, с каким безразличием он смотрит на людей, старающихся перещегоолять друг друга в красоте, доходя в этом порыве до настоящего уродства.

Ему это не было нужно. И это я уяснила сразу. Уловила на уровне эмоций и улыбнулась,

сама не зная, чему или кому.

– Ваше величество, – герцог Альба с невероятной грациозностью согнулся в реверансе, хотя я видела, как напряглась в это мгновение его больная нога, – надеюсь, вы пребываете в добром расположении духа и не станете сердиться на своего верного гранда, явившегося ко двору без приглашения.

Услышав его голос, я вздрогнула. Грубоватый, немного сиплый, но в то же время выдержанный, как благородное вино, которое горчит, но при этом навсегда влюбляет в себя истинных ценителей.

– Ну что вы, – король расплылся в хищной улыбке гиены, пронзая гостя полными зависти глазами, – мы всегда вам рады! Однако позвольте узнать, что привело вас во владения маркиза Пилара в столь поздний час?

Зависть? В глазах короля? К хромоту мужчине, чье лицо изуродовано, а мир полон черных красок? У меня в голове не укладывалось то, что я только что увидела.

– Вашему величеству известно, что я веду торговлю с англами, продаю им пшеницу со своих полей, а взамен получаю шерсть.

– Да-да, – нетерпеливо буркнул король.

– Сегодня ночью в порт Лас-Элькартеса, который, как вам известно, расположен в здешних местах, должен прийти корабль, груженный товаром. Мне донесли, что капитан занимается контрабандой вина. Я решил лично досмотреть судно и отправился в путь. Но у моего экипажа повредилось колесо. Случилось это неподалеку от озера Пилар, поэтому я решил заглянуть на огонек к архиепископу и попросить помощи. Тем приятнее для меня встреча с вами, ваше величество. – Герцог вновь согнулся в реверансе с такой грациозностью, которой могла бы позавидовать прима Большого или Мариинки.

У меня же вновь сработал принцип «русской женщины» – в том смысле, что жалко его стало до жути! Неизвестно, какие адские боли он терпел, сгибаясь каждый раз в три погибели, но ничто не выдавало в нем тех мук, что он испытывал. В том, что он их испытывал, я не сомневалась. Меня самую странную образом пронзила какая-то жгучая боль в тот момент, когда он склонился перед королем. Наверное, все дело в моей впечатлительности. Другого объяснения этому явлению я найти не смогла.

– Ох, – пренебрежительно воскликнул Филипп IV, – вы все еще ведете дела с этими негодьями, подданными Карла. Я еще не забыл, как они унизили меня, отказав выдать за меня принцессу Анну. Полноте, герцог! Торговля, да еще и с англами, – занятие, недостойное гранда! Зачем вам это? Ведь, по слухам, вы нашли в своих землях настоящий янтарь и другие драгоценные камни.

И только после этих королевских слов я смогла посмотреть на герцога и Филиппа IV другими глазами.

Несмотря на черный цвет, было видно невооруженным глазом, что наряд Альваро Альба пошит из дорожкой ткани, а на его руках сияют завораживающим блеском драгоценные камни стоимостью в целое состояние, в то время как наряд короля выглядел куда как проще, несмотря на обилие блесков, кружев и валунов. Это как сравнивать секонд-хенд из Европы и простое черное платье от Шанель. Всем все понятно без лишних слов.

Так вот откуда растут ноги у той зависти, что мелькнула в глазах короля. Герцог богат, сказочно богат, причем еще и дерзок, раз не чурается открыто говорить о таком постыдном для аристократа деле, как торговля. А если сюда добавить постоянное чувство тревоги, что заговор может раскрыться и законный наследник займет престол, то можно было

представить, как сильно «любил» своего кузена Филипп.

– Ваше величество, я надеюсь, простит своему покорному слуге эту слабость, – учтиво ответил герцог, – вы знаете, что из-за своей внешности я практически все свое время провожу в имении, а торговля и изучение языка англов стали для меня своего рода развлечением, которое не дает мне сойти с ума от скуки и одиночества.

– О, мой дорогой герцог, – король ухмыльнулся, – злые языки поговаривают, что вы не так уж и одиноки. Ходят слухи, будто вы покупаете для себя рабынь из далеких африканских и восточных земель, которые играют вам на музыкальных инструментах и ублажают вас. Уж не на эту ли «контрабанду» вы отправились взглянуть в столь поздний час?

Король рассмеялся, а следом за ним и придворные, которые по достоинству оценили шутку своего монарха. Рассмеялся и герцог, чем немало удивил меня. Этот человек на самом деле знает себе цену, раз может так легко относиться к подобным насмешкам.

– Злые языки правы, ваше величество, но только наполовину, – ответил Альваро. – Эти прекрасные сирены находятся подле меня совершенно бескорыстно и по доброй воле. Я привез их из своего путешествия еще два года назад. С тех пор никаких новых рабынь в моем дворце не появлялось. Могу вас заверить. Я вполне удовлетворен этими тремя гуриями. Смею утверждать, что далеко не каждый мужчина в этом зале может похвастаться тем, что его ублажает хотя бы одна любовница. Поэтому мои завистники и сочиняют эти сплетни, чтобы досадить мне хотя бы так. Ведь на большее они не способны.

Ответ герцога заставил мои брови поползти вверх от удивления. Ничего себе убогий и хромой! Да у него там целый гарем! Что и неудивительно. Если забыть о маске и выгнутой ноге, у Альваро красивые волосы, удивительные руки и мужественный торс. А еще голос, который завораживает и гипнотизирует собеседника. Смех в зале резко прекратился. В воздухе запахло жареным, и неожиданно для самой себя я вдруг выпалила:

– Герцог Альба, очень рада видеть вас при дворе!

Десятки ошарашенных взглядов сошлись на моей дрожащей фигуре. Филипп гневно посмотрел на меня, постепенно краснея, точно вареный рак. Но мне удалось добиться главного – на меня, наконец, с нескрываемым любопытством посмотрел и сам Альваро.

– Благодарю вас, сеньорита, – он слегка склонил голову в учтивом приветствии, – прошу простить мне мою забывчивость, но мне кажется, я не имею чести быть с вами знаком.

– Герцог, позвольте представить вам мою будущую супругу, – отчеканил Филипп, который вдруг придвинулся ко мне так близко, что в нос ударил аромат вина, которое он выпил несколько минут назад. – Графиня Федерика Конте. Сегодня при дворе мы празднуем прекрасное событие – на участке дона Лоренцо расцвела абелия. Наконец-то я смогу вступить в законный брак и обзавестись наследником!

Я забыла, где нахожусь, и даже не подумала, что мне следовало бы изобразить что-то вроде книксена. Моя забывчивость заставила герцога улыбнуться. Я не видела его улыбки, но заметила, как заблестели его глаза.

– Мои поздравления, – сказал герцог королю, а затем повернулся ко мне. – Я польщен, что мой визит доставил вам радость, прекрасная графиня. Однако вижу, что вы, как и я, не любите лишних церемоний.

– Графиня, как будущая королева, не должна совершать никаких церемоний, кроме тех, что она сама сочтет нужными, – вмешался пунцовый от злости монарх, не давая мне сказать и слова.

– Вы, безусловно, правы, – дипломатично заметил герцог, – королевы не должны ничего

своим вассалам.

– Вот именно, – прошипел Филипп.

– Что ж, – Альваро сделал многозначительную паузу, не сводя с меня пронизывающего до костей взгляда, – ваше величество весьма вовремя решило озадачиться потомством. Говорят, вы собираетесь в поход против фламандцев и собираете в королевстве армию. Негоже оставлять трон без наследника.

Если до этого лицо Филиппа было просто красным, то теперь оно побагровело от ярости. Желваки на его щеках начали ходить туда-сюда, и казалось, что он вот-вот плюнет в лицо обидчику своим ядом.

– Я тронут вашей заботой о благе престола, – прошипел мой суженый, стиснув зубы от злости, – но хотел бы вам напомнить, что вы все еще не внесли добровольное жертвоприношение в казну по случаю похода. Не следует вассалу оставлять своего сюзерена без поддержки во время войны. Это пахнет предательством.

По моей спине прошелся холодок. Ужас сковал все мышцы. Ну все. Сейчас он прикажет схватить его и бросить в темницу или еще хуже – казнить. За этим маньяком не заржавеет! Тем более тут, судя по всему, еще никто ничего не слышал о моратории на смертную казнь. Не удивлюсь, если в этом чертовом королевстве свирепствует инквизиция.

– Осмелюсь напомнить вашему величеству, что согласно закону, принятому сенатом еще в тысяча пятьсот девяносто девятом году, все подношения в казну, за исключением налогов, являются делом добровольным, и уклонение от них не является преступлением.

Я опустила взгляд ниже и едва не ахнула от испуга. Король сжал кулаки до крови, и теперь тонкая струйка бурой жидкости стекала по одному из кружевных валунов на его рукаве.

– Однако, зная, как вы нуждаетесь в средствах, чтобы вооружить армию и выступить в поход до прихода холодов, я хочу предложить вам сделку.

Герцог договорил, а затем бросил на меня интригующий взгляд, от которого на моих висках выступили капельки пота.

– Вы смеете играть со мной? – твякнул король, подпрыгнув на месте.

– Ваше величество, позвольте герцогу договорить, – заблеял вдруг толстяк-архиепископ, – возможно, он предложит решение всех наших проблем.

Старикашка взял монарха за запястье и крепко сжал его, стараясь успокоить его разбушевавшееся самолюбие.

– И что вы хотите предложить? – высокомерным тоном спросил король.

– Сыграем в карты? Я ставлю на кон один миллион золотых луидоров.

В зале раздалось дружное «ах». Несколько женщин потеряли сознание, остальные принялись обмахиваться веерами и жадно пить вино. Мужчины шокированно качали головами, не сводя с дерзкого герцога обвиняющих взглядов.

– Вам прекрасно известно, что я лучший игрок в королевстве, – ехидно заметил Филипп IV, из уст которого вырвался облегченный выдох.

«Ага. Снова на коне, да?» – подумала я про себя, искоса рассматривая переменившегося в лице короля.

– Безусловно, – ответил герцог. – Однако сумма настолько большая, что у меня есть два маленьких условия. Чтобы все было по-честному. Во-первых, мы возьмем новую колоду карт. А во-вторых, я хочу, чтобы и ваши, и мои карты видела графиня, дабы подтвердить выигрыш одного из нас.

– Прекрасно! – воскликнул король. – Я уничтожу вас, Альваро!

Его величество уже принялся судорожно потирать вспотевшие ладони, как вдруг герцог вновь подал голос:

– Но мы не услышали, что же на кон поставите вы?

У меня сердце ушло в пятки да там и осталось. Король с яростью смотрел на герцога, вращая наполненными кровью глазами. Всем без лишних слов было понятно, что Филипп IV попал в весьма щекотливое положение, ибо поставить на кон следовало что-то не менее ценное.

– Ба! – в привычной простецкой манере выкрикнула со своего места молчавшая до этого герцогиня Гарибальди. – А ведь вам, дорогой племянничек, нечем крыть эту карту. Советую отказаться от игры, пока не пострадала ваша честь и королевское достоинство. Что вы можете предложить? Захолустные земли и ничего не значащие титулы? Это просто смешно.

Женщина шумно выдохнула и принялась обмахиваться веером, при этом мой взгляд задержался на ее пухлой физиономии чуть дольше, чем следовало, и мне удалось стать свидетелем того, как тетушка подмигнула кому-то. Я повернула голову и поняла, что это Альба. Он смотрел на герцогиню с благодарностью, а в его черных глазах плясали смешинки. Эти двое совершенно точно решили поиздеваться над его королевским величеством.

– Отнюдь, моя дорогая тетушка, – возразил король сквозь зубы, – мне есть что терять. Увы, всем известно, что многие мои подданные богаче меня, и поэтому я не могу ответить герцогу денежной ставкой. Но у меня все еще есть моя корона с десятью черными бриллиантами, рубинами и изумрудами – произведение ювелирного искусства, которое стоит целое состояние. Я ставлю ее.

– Тогда уж заодно присовокупите к ставке трон и сразу напишите отречение, дорогой племянник, – фыркнула герцогиня, – мне стыдно, что представитель королевского рода Висконти так запросто предает свою честь и честь своих предков.

– Ваше величество, позвольте мне согласиться с герцогиней в том смысле, что ваша корона совершенно недопустимая ставка, – издали начал герцог, – я ни в коем случае не могу позволить вам играть на нее. Моя совесть не даст мне покоя, если я приму ваше предложение. Однако у меня есть идея.

– Говорите, – отрезал король, который был готов взорваться от злости и собственного бессилия.

– Несомненно, лот должен быть достоин короля. Это должно быть нечто весьма ценное и по-королевски роскошное, что покажет вашим подданным ваше могущество и величие. И вместе с тем это должно быть настолько рискованно, чтобы придворные смогли увидеть вашу уверенность в себе.

– И что же это? – непонимающе спросил Филипп, который наверняка почувствовал подвох, но никак не мог взять в толк, что же именно его смущает в этой ситуации.

– Я вижу в этом зале только один бриллиант, достойный стать королевской ставкой, – пропела герцогиня, продолжая подмигивать Альваро.

В этот момент меня посетили «смутные сомнения». В груди начал свербить червячок, что все это «ж-ж-ж-ж» неспроста. У меня на глазах разворачивалась большая и опасная игра, и интуиция подсказывала, что мне в этой игре отведена одна из главных ролей.

Не знаю почему, но мне вдруг стало весело. Внутри стало расти чувство азарта и какой-то бесшабашной радости. Я болела за герцога и королевскую тетку и едва не начала выкрикивать вслух кричалки, как болельщик на стадионе.

– О каком бриллианте вы говорите, герцогиня? Не могли бы вы выражаться яснее? –

раздраженно спросил король.

– Неужели вы и сами не видите? – ответила она со смехом. – Я говорю о графине Конте. Сеньорита Федерика – единственный бриллиант, который своей ценностью ничуть не уступает предложению герцога, но, напротив, даже превосходит его!

И тут я открыла рот. Это, на минуточку, унизительно – быть ставкой в карточной игре. Я что, вещь какая? Или чья-то собственность? Мне очень хотелось повозмущаться и потопать ногами, но дурацкая улыбка почему-то не сходила с лица.

– Герцогиня, как всегда, удивительно находчива, – проговорил герцог, послав улыбающейся тетушке воздушный поцелуй. – Не поймите меня неправильно, ваше величество, – продолжил Альба, – это не дерзость и не хамство. И вам, и мне прекрасно известно, что вы лучший игрок в нашем королевстве. Исход этой игры определен заранее. Я ни в коем случае не претендую на сердце и руку вашей невесты. Но полагаю, что ценность графини действительно настолько велика, что подобная щедрость будет достойна императора!

По залу прошла волна возмущенного ропота. Придворные перешептывались, ахали и охали, поражаясь бесстрашию герцога, а я с любопытством наблюдала за развязкой этого спектакля.

– Ценность графини достойна богов, – эмоционально воскликнул Филипп, – но я принимаю ваш вызов!

Не знаю, чему я так обрадовалась, но мои губы словно ниточками привязали к ушам. Улыбка «я у мамы дурочка» завладела моим лицом, категорически отказываясь его покидать. С таким выражением лица глупо было даже пытаться протестовать и обиженно морщить нос. В выигрыше герцога я видела для себя сплошные плюсы. Во-первых, он наверняка увезет меня с собой, чем избавит от проклятой свадьбы. Во-вторых, ничуть не сомневаюсь, что как истинный джентльмен он позволит мне самой определять свою судьбу и уж точно не станет принуждать меня к браку. А вот зачем это было нужно ему, я никак не могла понять. Что это – желание унижить короля или способ отдать ему свои денежки с гордо поднятой головой? Уверена, что король все равно изыщет способ обойти Альваро, даже в обход законов. Возможно, герцог, предвидя это, просто решил сохранить лицо и к тому же надавить королю на больную мозоль.

Предположения роились в моей голове, но я никак не могла вычленить из их множества истину, которая, как всегда, была где-то рядом.

– Прекрасно! – рядом прозвенел голос герцогини Гарибальди. – У меня как раз при себе новая колода карт!

Женщина, ничуть не стесняясь, запихала свою лапищу в декольте и извлекла оттуда колоду, которой помахала в воздухе.

– Немедленно принесите сюда карточный столик и два кресла, – скомандовал Филипп, с усмешкой посмотрев на Альваро. – Ваше предложение настоящая глупость, герцог! Я лишу вас не только миллиона золотых луидоров, но даже права мечтать о графине.

– Да будет так, – поклонился Альба.

– А если он выиграет? – вдруг взвизгнул мой папенька, у которого неожиданно прорезался голос. – Моя дочь предназначена судьбой в жены королю! Я не дам своего согласия на брак в случае победы герцога. Это унижение благородного имени Конте! Мало того что моя Фике стала разменной монетой, так еще и рискует потерять свое хрупкое счастье!

– Если он выиграет, – с улыбкой промурлыкал король, усаживаясь в кресло, которое лакеи принесли для игры, – то король Басконии сдержит свое слово. И в этом случае вашего разрешения никто спрашивать не будет. Но, – он загадочно улыбнулся, хитро сощурился, – он не выиграет!

– Благодарю вас, ваше величество, – ответил Альваро, расположившись за столом напротив короля. – Дав слово короля, вы лишний раз подтвердили свою порядочность и честность. Это качества, достойные уважения.

– Во что сыграем? – спросил Филипп, развязав на шее объемный галстук из прозрачного шифона и расслабленно откинувшись на спинку кресла. – Бридж? Домино? Покер? Полиньяк?

Я стояла у стола, сложив на груди дрожащие руки, и молилась, чтобы удача повернулась к герцогу лицом. Надежда на скорое избавление от суженого окрыляла. Хотелось танцевать, но музыка стихла. Как стихли и все разговоры. Атмосфера была настолько напряжена, что казалось, будто между игроками проскакивают электрические разряды.

Если бы взглядом можно было убить – уверена, передо мной сейчас было бы два трупа.

– Осмелюсь предложить баккару, – ответил герцог.

– Хм... – произнес король задумчиво, принявшись почесывать подбородок.

Я заметила, что он недовольно сдвинул брови.

– Но эта игра очень быстрая, и для нее практически не требуется никакого мастерства, – заныл Филипп, – все решает случай.

– Ваше величество, еще не поздно отказаться от моего предложения, – ответил герцог, мастерски манипулируя своим собеседником. – Я пойму, если вы не захотите рисковать. Однако вы сами предложили мне выбрать игру.

– Что ж... Будь по-вашему!

Герцогиня Гарибальди раскрыла колоду и покрутилась с ней в руках, демонстрируя окружающим, что карты не крапленые и совершенно новые.

– Я раздам, вы позволите? – спросила тетка. Король кивнул.

Пока герцогиня тасовала карты, Филипп нервно теребил пальцы, чувствуя, что попал в ловушку.

Лично мне была знакома эта игра. Однажды я была с Вадимом в казино, где он продул кругленькую сумму, ни разу не добившись заветных девяти очков. Теперь я с придыханием ждала, когда король и герцог вскроют свои карты. Сначала я заглянула через плечо короля и увидела, что ему досталась шестерка червей и пиковый король. Затем обошла стол справа и посмотрела на карты герцога. Сердце сжалось от ужаса, когда я увидела, что у него две дамы – бубей и крестей. Ноль. Это провал!

Я машинально обхватила загоревшиеся щеки руками и едва не заплакала от отчаяния. И в этот момент он поднял на меня глаза. Он посмотрел на меня так уверенно, так спокойно, что я тут же расслабилась и перестала нервничать. Своим взглядом он говорил мне – «у меня все под контролем», и я поверила ему. Поверила и едва заметно улыбнулась.

– Еще, – проговорил герцог.

– Еще, – ответил король.

Игроки взяли из колоды по одной карте. Король вытянул пикового туза. Плюс одно очко. У Альваро должна быть хотя бы восьмерка, иначе мне конец. С замиранием сердца я подошла к герцогу и была вынуждена поднести ко рту руку, чтобы не закричать от радости – он вытянул девятку червей. Итого девять – чистая победа!

– Откройте карты, – скомандовала герцогиня, которая, заметив мое волнение, слегка заметно кивнула мне, улыбнувшись уголком губ.

Рука Филиппа дрожала. Он медленно опускал карты на стол, то бледнея, то краснея. На его висках выступил пот. Король смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом и дергал воротник, словно задышался.

– Итак, у вашего величества семь, – констатировала герцогиня.

Альваро обвел присутствующих взглядом победителя и решительно выложил свои карты. Толпа за моей спиной ахнула.

– У герцога Альба девять, – тем же ничего не выражающим тоном огласила герцогиня. – Поздравляю вас, герцог! – Она небрежно кивнула ему, однако в ее взгляде мелькнуло такое удовлетворение, как будто она только что выиграла в лотерею.

– Спасибо. – Альваро встал и поправил на себе рубашку. – Ваше величество. Я не могу принять ваш проигрыш и хотел бы предложить выход, – виновато произнес он, однако мне почудилось, что в его тоне присутствовали нотки притворства.

– Какой? – спросил Филипп.

– Пусть решает графиня, – ответил Альба.

В глазах короля мелькнула надежда.

– Да будет так.

И вновь все взгляды устремились на меня. Я почувствовала себя живым экспонатом, который в обнаженном виде выставили на улицу. Не успела я произнести свой вердикт, как в третий раз за вечер раздался бас лакея, оглашавшего прибытие гостей.

– Маркиз де Вильенсо! – протянул он, заставив всех повернуть в сторону выхода головы.

– Зацвела, ваше величество! – восторженно закричал вновь прибывший, едва переступил порог. – Утром зацвела абелия в моем владении!

Маркиз оказался шуплым мужичонкой лет сорока пяти. Выглядел он весьма комично – в полосатых ренгравах и желтом жакете, с тоненькими подкрученными усами в стиле Дали.

– Ваше величество, прошу простить мне столь поздний визит! Но, узнав, что при дворе появилась графиня Конте в качестве вашей невесты, я решил немедленно выехать, ведь дерево на нашем участке зацвело первым! Совершается ужасная несправедливость по отношению к моей бедной дочери! Сперва я хотел сообщить вам обо всем завтра во время званого обеда, на который имел честь быть приглашенным. Но когда дело приняло такой неприятный для нас оборот, тут же велел оседлать своего самого быстрого скакуна и помчался ко двору, чтобы исправить положение.

– Впервые за двадцать лет зацвело два дерева сразу, – ошеломленно произнесла герцогиня Гарибальди, – дорогой племянничек! Судьба благоволит тебе! Не успел лишиться одной невесты, так другая уже на подходе!

Я бросила на герцогиню испуганный взгляд. И как только она не боится лишиться своего длинного острого языка?

– В этом деле нужно разобраться, – пропел архиепископ, сдвинув брови.

– Я требую свидетелей! – выкрикнул мой папаша, который как-то резко побледнел и стал походить на мумию.

– Если абелия зацвела у вас утром, а у графа вечером, – вновь заговорил хозяин замка, – то тут все ясно – женой короля должна стать юная маркиза де Вильенсо. Но, – он с вопросом посмотрел на ночного гостя, – насколько я помню, она была заточена в монастырь по решению суда инквизиции. Это было громкое дело – сношение с дьяволом, привороты, убийства болотных жаб, чтобы испить их кровь. Да-да-да... Припоминаю... Тогда только мое вмешательство уберегло ее от костра.

Маркиз Пилар будто говорил сам с собой, поглаживая свое огромное брюхо. У меня же выгнулись брови от того перечня, который он перечислил. Нехилая такая бредятинка выжившего из ума архиепископа. Впрочем, раз уж в этом чудном (ударение поставьте сами) королевстве все еще жива инквизиция, то удивляться нечему. И король под стать – такой же идиот, да еще и индюк напыщенный.

– Что бы там ни было, но дерево зацвело, а моей дочери уже три месяца, как исполнилось восемнадцать! В Великой Хартии ни слова не было сказано о том, что есть какие-то условия, отменяющие право стать супругой короля в случае цветения абелии!

– Боже, мы пропали, – прошептал мой папенька и даже слегка пошатнулся, с трудом удержав равновесие. – Как же я забыл об этой несчастной? Как? Почему у них зацвело проклятое дерево?

– Жениться на осужденной за сношение с дьяволом?! – взревел Филипп, резко вскочив с места. – Я требую церковный суд! Этому не бывать! Король никогда не возьмет в жены ведьму!

В зале начался настоящий переполох, придворные начали ругаться между собой, выбрав каждый для себя сторону. Кто-то упорно доказывал, что Хартия едина для всех, другие говорили, что это исключительный случай и Ватикан непременно встанет на сторону короля. У меня в ушах зазвенело от этого шума и галдежа.

В этот момент чья-то горячая рука коснулась моего запястья. Я вздрогнула и повернула

голову. Рядом со мной стоял герцог Альба, который держал возле губ указательный палец.

– Дорогая графиня, нам лучше покинуть двор, – тихонько сказал он, склонившись надо мной. Его горячее дыхание обожгло мочку моего уха и заставило отправиться в забег по коже полчища мурашек.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

ЗГТ (закрытый гостиничный тип) – квартира небольшой площади.

Пусть воюют другие, ты же, счастливая абелия, заключай браки (*лат.*).